

18+

Альберто делла Челла

Древняя Кортонна

Альберто Челла Древняя Кортонна

<https://litres.ru/74225774>

ISBN 9785007040723

Аннотация

Книга «Древняя Кортонна» (1900) итальянского краеведа Альберто делла Челлы — свод археологических, топографических и геральдических сведений об этруском и средневековом прошлом города. Основываясь на местных хрониках и рукописях, автор рассматривает происхождение названий, анализирует гербы семей, описывает утраченные здания. Издание дополнено приложением о египетской коллекции музея. Текст представляет интерес для историков, искусствоведов и всех, увлечённых итальянской стариной.

Содержание

К читателю	6
Несколько слов введения	7
Исторические источники	10
Глава I Кортонэ этруская и римская	16
1. Происхождение Кортонэ — Этруски	16
2. Язык этрусков	24
3. Религия этрусков	30
4. Основание Кортонэ	33
5. Лукумоны. Обычаи и нравы этрусков	40
6. Топография древнего этрусского города	42
7. Монеты, керамические производства	48
8. Исторические события этрусской Кортонэ	50
9. Археология и руины	55
10. Происхождение названия Кортонэ и названий многих местностей на ее территории	83
Глава II. Кортонэ после падения Римской империи	99
11. Гражданское устройство до господства Казали	99
12. Святая Маргарита кающаяся	105
13. Кортонэ от господства Казали до синьории Флоренции	112
14. Монеты Кортонэ в Средние века	117

15. Топография Кортонь до XIX века	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Древняя Кортонна

Альберто делла Челла

Переводчик Анастасия Егорова

© Альберто делла Челла, 2026

© Анастасия Егорова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-4072-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Между 1895 и 1898 годами в приложениях одного кортонского периодического издания увидели свет некоторые собранные мною археологические, исторические и художественные сведения о древнем городе Кортоне. Они не были ни полными, ни всегда точными, ибо ввиду нерегулярности того издания и его цели — народного просвещения — работа была лишь наброском. Продолжая тем временем терпеливые изыскания, я собрал новый урожай сведений, чтобы сделать ее более полной, введя обильные дополнения и несколько исправлений, а также расположив различные ее части в лучшем порядке.

И сегодня читатель найдет народные сведения о ДРЕВНЕЙ КОРТОНЕ, собранные в книге, которую я представляю ему как скромный вклад в историю этого славного города.

Кортоне, 30 августа 1900 года.

А. ДЕЛЛА ЧЕЛЛА.

Несколько слов введения

Историю Кортонь до господства римлян можно назвать историей древнейшей цивилизации не только Италии, но и большей части Старого Света. Ибо, оставив старые академические воззрения, которые выводили всю италийскую цивилизацию от греков и египтян, ныне уже признано и принято, что после доисторических миграций первобытных племен путь был пройден в прямо противоположном направлении; и именно из Этрурии, и в особенности из Кортонь, вышли первые пионеры, принесшие общественную жизнь и гражданские искусства еще варварским народам, проникнув вплоть до Египта после колонизации большей части Италии и Греции. То, что пеласги были древними италиками, доказано самыми авторитетными современными писателями. А пеласгами были, возможно, не кто иные, как филистимляне из Библии, хананеи — первые обитатели земли обетованной, изгнанные или, скорее, побежденные и порабощенные еврейским народом, а также цари-пастухи, которые веками правили в Египте. Однако пеласги не были самыми первыми обитателями Этрурии по эту сторону Флоренции. Другой народ, уже цивилизованный, но менее белой расы — умбро-финны, — оставил древнейшие следы цивилизации. И есть те, кто приписывает строительство стен и башен древнейших италийских городов именно этим первым народам,

а не пеласгам.

Всякий, кто созерцает панораму Кортонь, двигаясь поездом по железнодорожной линии Рим — Флоренция, и всякий, кто затем с высоты этого города созерцает и восторгается чарующим видом расстилающейся внизу равнины, испытывает желание узнать историю этого древнейшего и некогда процветавшего средоточия богатого, цивилизованного и могущественного народа. И я, ради своего скромного образования, захотел узнать кое-что из этого, разыскивая среди книг, оставивших сведения по истории Кортонь. Однако урожай слишком скуден, ибо величие Рима заставило забыть и рассеять большую часть памятных сведений о городах Этрурии, некогда его соперниках. Тем не менее, там и сям встречаются указания, из которых какой-нибудь писатель два или три века назад извлек неполные и противоречивые сведения, и современная критика, заново проделывая эту работу, взялась их пересмотреть, нередко добавляя новые противоречия к старым.

Наименее полной является история Кортонь с 1300 года, поскольку несколько авторов собрали множество материалов для ее составления; и один выдающийся исследователь отечественной истории опубликовал ее в 1897 году, как раз тогда, когда близилась к завершению приложения, в которых впервые увидели свет сведения, собранные в настоящей книге.

В ней я не претендую на то, чтобы сказать нечто но-

вое, ибо многие из книг и рукописей, мною просмотренных, существуют в Библиотеке Кортонской Академии и известны исследователям исторических дисциплин. Я намеревался лишь припомнить вещи малоизвестные или забытые и сделать их известными для народного просвещения. Неточности, без сомнения, вкрались; но читатель простит их, поскольку иногда даже сами цитируемые писатели противоречат друг другу, а иногда у меня не было способа сверить точность сведений и дат, приводимых мною на основании чужого авторитета.

Исторические источники

Среди кортонских историков особого упоминания заслуживают Лауро и Тартальини. Под именем Джакомо Лауро, прозванного Лауро Романо, был опубликован в Риме издателем Гриньяни с датой 1639 год некая история города Кортонны, которую можно назвать полностью составленной на основе сведений, собранных в то время кортонскими писателями в рукописях, ныне находящихся во владении Этрусской академии Кортонны. Том — в малую продолговатую четверть. Эта книга занесена в каталог Платнера в число редчайших. Но под названием «История Кортонны» ее чаще всего нельзя разыскать, потому что издатель включил ее в сборник других историй, которым предпослал единый титульный лист.

Так, издание 1639 года, находящееся в Библиотеке Виктора Эммануила в Риме, озаглавлено: «Героическое великолепие городов мира» и т. д. с еще четырьмя или пятью строчками заглавия. Она начинается с истории Рима, а затем следуют истории большого числа итальянских и зарубежных городов — все с перспективными планами. Среди итальянских городов примечательны Брешиа, Бергамо, Анкона, Орвието, Перуджа. Далее следуют виды Аквилы, Асти, Генуи, Милана, Витербо, Терни, Веллетри без исторического текста.

История Кортонны находится примерно в середине тома и посвящена польскому дворянину Анджею Тшебецкому с да-

той 1 сентября 1639 года.

В библиотеке Казанатенсе книга записана под названием «История города Кортонны»; однако том начинается с описания Венеции, ее островов и владений, иллюстрированного многочисленными рисунками. Затем следует История Кортонны; завершается же том серией гравюр, изображающих житие святого Антония Падуанского.

В обоих экземплярах вид Кортонны (размером 205 на 260 мм) имеет внизу слева надпись: «Lauro Romano f. 1634 — Pietro Berrettini da Cortona delin.» (Лауро Романо исполнил. 1634 — Пьетро Берреттини из Кортонны рисовал). Этот вид имеет пояснительную легенду из 58 пунктов; виды же других городов ее не имеют. Переплет обоих экземпляров идентичен — пергаментный, и, по-видимому, одновременен их публикации.

Видно, что Гриньяни использовал эти описания или истории городов, чтобы вставлять их куда ему было удобно; и действительно, страницы не пронумерованы.

Кортонская библиотека владеет двумя экземплярами Лауро. В них недоставало первых страниц, которые были недавно найдены. Однако они содержат только историю Кортонны, и в обоих отсутствует вид города. Один экземпляр этого вида находится в составе тома смешанного содержания, тогда как его следовало бы объединить с книгой — одной из копий которой он, безусловно, принадлежал. Один из двух экземпляров, с переплетом, подобным римским, был куплен

некоторое время назад на публичном аукционе. Примечательно, что когда несколько лет назад библиотека Платнера перешла к Немецкому археологическому институту в Риме, книги Лауро не нашли.

Библиотека Платнера имеет экземпляр «Описания Кортонны» аббата Доменико Тартальини из самой Кортонны, опубликованного в Перудже Костантини с датой 1700 год. Автор посвятил его великому герцогу Козимо III. Он каталогизирован среди редких книг, и в Риме я нашел только два его экземпляра, второй из которых — в Библиотеке Корсини (Королевская академия деи Линчеи).

Первые 22 страницы полностью заняты латинскими и итальянскими стихами в похвалу Тартальини. Одно из стихотворений принадлежит некоему дону Ансельмо Виньяти. В конце книги автор поместил указатель всех книг и писателей, которые трактовали о Кортоне или упоминали ее до 1700 года. Отличное подспорье для ученых.

Библиотека Кортонны располагает одним экземпляром.

В одном римском каталоге указано «*Compendio della Storia, e pianta di Cortona del Ridolfini*, опубликованное в Риме у Гриньяни — 1633».

Мне не удалось найти никаких следов этого издания ни в одной библиотеке. Но есть мнение, что Джакомо Лауро — это не кто иной, как сам Ридольфини (кортонец). «Героическое величие городов мира» было бы тогда произведением Ридольфини, который скрывался под именем Лауро

Романо. Я сомневался, не ошибка ли в каталоге указание даты 1633. Но дело в том, что первые 8 страниц Лауро были напечатаны Гриньяни в 1633 году без плана города, который был выгравирован позднее и без имени Ридольфини.

Впрочем, вопрос решается сам собой, когда читаешь гиперболическое и барочное посвящение, которое Лауро написал и велел графически воспроизвести на правой стороне плана Берреттини:

«Многоиллюстрайшему и многоименитому господину Прано моему досточтимому, господину Галеотто Ридольфини, доктору права, кортонскому дворянину».

«Подобно тому как древние тирренские цари, обитатели города Кортонь, родины Вашей Милости, с помощью соблюдения Полярной звезды нашли превосходный способ плавать и воевать по морю, почему и выбрали носить в гербе вместе со звездами шахматную доску и были названы царями Дельфинами, так и я, с почтением к Вашей Милости, ведомый словно новой Полярной звездой благосклонности ее звезд, достиг ныне безопасной гавани, дабы представить на общее усмотрение этот план и историю, собранную из серьезных авторов на обоснованном основании, отчего имею верную надежду, что ею же будет рассеяна злоба завистливых хулителей».

«Посему посвящаю ее Вашей Милости с этой целью и приношу почтение из Рима.

*Вашей Милости многоиллюстрацией и многоименитой
смирнейший слуга Джакомо Лауро Романо Д. Д.»*

Если под именем Лауро скрывался Пьетро Ридольфини, возможно ли, чтобы он довел шутку до того, чтобы сделать это посвящение своему близкому родственнику? И если — как мне кажется очевидным — Джакомо Лауро не был Пьетро Ридольфини, возможно ли, чтобы он осмелился посвятить как собственное произведение труд Ридольфини другому Ридольфини?

Итак, заключим, что Джакомо Лауро, прозванный Романо для первой части своей истории воспользовался рукописью Ридольфини, а для остальной части черпал сведения из рукописных заметок Бальделли и других.

Что же касается Тартальини, то кажется, что он не сделал ничего иного, кроме как отчасти повторил историю Лауро, добавив кое-что плохо подобранное и неточное. Бальделли (рукопись 537) опроверг многие ошибки Тартальини; так же и Монети в рукописи 425.

Хорошо известную историю Кортонь Паоло Уччелли (Ареццо, 1835) я нашел в Риме только в одном экземпляре — в библиотеке Немецкого археологического института. В тот же том вшита небольшая книжечка в 56 страниц под заглавием: «Краткие исторические сведения, касающиеся города Кортонь». Она издана в Фолиньо Томассини в 1827 году, и от руки добавлено внизу титульного листа: «священника Винченцо Чеккарелли». Однако это имя не писателя, а

владельца книги, которая была составлена каноником Манчати. Обе эти книги достаточно хорошо известны в Кортоне.

Я нашел упоминание о некоем Никколо Манноцци как писателе о кортонских древностях. Но признаюсь, что нигде не обнаружил ни самой книги, ни каких-либо известий о предполагаемом авторе.

О других итальянских или иностранных авторах, которые писали кратко или мимоходом о Кортоне, как Микали, Деннис, Смит, Мюллер и прочие, здесь не место говорить особо.

Но что касается, прежде всего, периода позднее римского, я собрал и сопоставил сведения, разбросанные во многих рукописях Библиотеки Кортоны и Архива Курии, которые я цитировал по ходу книги и которых насчитывается несколько сотен. О некоторых я, быть может, пропустил какую-либо цитату; но это точно, что я ничего не выдумывал, и только моим здесь является, так сказать, экзегетическая и критическая часть, а также все то, что я мог увидеть собственными глазами.

Глава I Кортон этрусская и римская

1. Происхождение Кортоны — Этруски

Кортон — древнейший город, один из семи этруских лукомониев. Казалось бы, по крайней мере в отношении этих восьми слов все должны быть согласны. Ничуть не бывало. Мюллер сомневается, что она когда-либо была ни Корито, ни Коритоной, и считает это ложной греческой традицией. Следовательно, никакого происхождения от Януса, никакого Дардана, никакого Тарконта. Ныне это мнение Мюллера полностью отвергнуто.

Дионисий утверждает, что она всегда называлась Кротоной, а римляне переменили это имя на Кортону. И это мнение совершенно ошибочно. Полибий пишет Куртонион.

Ливерани полагал, что Кортон — слово этруское, и здесь это верно, составленное так: Curies-Tolena, откуда затем Car-tolena — Curtona.

Альтикоцци же производит его от греческого «Coryto», еврейского «Curto», что якобы означает «город». Все это фантазии. Примитивные народы не давали идеальных имен;

а «город» — понятие идеальное. Мы увидим далее наиболее вероятное происхождение этого имени.

Ридольфино Венути хочет, чтобы Кортон, третий этрусский город, называлась Котила или Котилия, поскольку была основана Котисом, сыном Мана. Это выдумка.

Наконец, есть и такие, кто утверждал, что древняя Кори-то находилась там, где ныне Витербо, или же Корнето. Добрый Тартальини удивляется подобному притязанию и победоносно его опровергает.

Но кто же были этруски?

Этруски были умбрами;

Этруски были пеласгами;

Этруски были финнами;

Этруски были кельтами, были кимврами, были тирренами, были расенами, были иберами, были финикийцами, были тартарами.

Как видит читатель, писатели чудесным образом согласны между собой.

Современное критическое исследование после терпеливых изысканий сумело отчасти распутать этот запутанный клубок. И вот какова была бы наиболее вероятная истина: несомненно, что колыбелью человека социального, человека исторического, была не Европа. Следовательно, все известные расы пришли в древнейшие времена из других частей света. Почти с полной уверенностью — из Азии.

Эти миграции были настоящими исходами целых племен,

и невозможно, чтобы они совершались морским путем, за исключением коротких расстояний между континентами и островами, которые легко переправиться в несколько приемов; для больших расстояний и целых племен потребовались бы тысячи тщательно построенных Ноевых ковчегов, что невероятно. Позже, когда цивилизация уже далеко ушла вперед, некоторые колонии могли двинуться морским путем, но состоявшие из нескольких сотен человек; и они высаживались на побережьях и мало удалялись от них — как потому, что происходили от морских народов, так и потому, что не были достаточно сильны и многочисленны, чтобы углубиться вглубь страны и противостоять жителям, которые там уже обитали.

Первые обитатели, связанные общественными узами (не будем искать гипотетических питекоидов и троглодитов), пришли, следовательно, сухопутным путем; и потому их путь естественным образом пролегает через проходы, ведущие в Европу из Сибири, Тартарии, Туркестана (называю здесь современные имена), Армении (откуда до сих пор слово «Armento»), из Индии; а в Италию — через все альпийские перевалы. Путь был долгим и медленным, и, без сомнения, в Италию прибыли внуки или правнуки тех, кто первым отправился в путь. Некоторое представление об этом может дать путь еврейского народа, который вышел из Египта, чтобы идти в землю Ханаанскую, и потратил на это сорок лет.

Исходя из этого, можно считать весьма вероятным, что

первыми народами, проникшими в Этрурию, были финны, что равноценно кимврам, или, по крайней мере, они имели с ними расовое родство. Они были желтыми, примерно как современные японцы, и маленького роста.

В древних языках (санскрите, гэльском, кельтском) Finn означает «желтый».

Однако они не были прямыми потомками чистой желтой расы, но были хамитскими, или же были ариями (расы Япета), уже смешанными с желтой расой. И эта желтая раса была, возможно, уже скрещенной расой, происшедшей от самих хамитов или сыновей Хама.

Джоберти, цитируя различных писателей, называет хамитами первых обитателей Этрурии, пришедших туда вскоре после потопа. Таковы были кимвры, иберы, вошедшие в Италию из Прованса и бывшие первыми колонизаторами Лигурии и Западной Тосканы, умбры, пришедшие из Тироля. Им, а не позднейшим этрускам, должно быть, обязаны мы сооружению циклопских стен и гробниц, вроде той, что близ Кортоны ошибочно называется гробницей Пифагора. Расены же были япетидами.

Ливерани, публикуя отчет о путешествии брата Джованни да Карпине в Тартарию и Монголию в 1247 году, утверждает, что первые этруски были тартарами. Истина же в том, что тартары тоже произошли от финнов, как и первые этруски.

Что касается циклопов, относительно которых было сделано столько странных предположений, скажу, что это слово

точно означает «строители арок» (арка и свод — изобретение этрусков) и соответствует в точности нашему слову «архитекторы».

Последними, кто заселил Этрурию, были пеласги — сухопутным путем, и финикийцы, или тиррены — морским.

Первые — почти чистые арии, высокого роста, белокожие, нередко светловолосые, несколько родственные германцам.

Вторые — арии, несколько смешанные с кровью семитских и африканских рас, менее высокого роста, торговцы и мореходы. Именно этим последним мы обязаны гортанному и придыхательному акценту, который и сегодня характеризует произношение тосканцев в некоторых провинциях. Тиррены, согласно наиболее принятому мнению, значит Туррены от *Turris*, то есть «строители башен», потому что везде, где они селились, они основывали города, окруженные башнями. Это обстоятельство отсылает нас к мысли о строительстве Вавилонской башни и к одновременному рассеянию народов.

И поскольку другие древние италики, предшествовавшие тирренам (расены), имели ту же характеристику, можно было бы считать достоверным их родство, единство происхождения и сходство многих обычаев; что объясняет, как два народа довольно быстро слились воедино, вместо того чтобы сражаться друг с другом, как происходило и будет происходить всегда между разными расами.

Но не следует думать, что когда прибывал иммигрирую-

ций народ, даже менее родственной расы, он изгонял или целиком уничтожал другой. Он накладывался сверху, изгоняя или уничтожая тех, кто был лишним или пытался сопротивляться; и по большей части пришелец становился господином или хозяином, а другой оставался рабом или земледельцем.

Хотите доказательство, ускользнувшее от многих этнологов?

Римляне и этруски, изображая и высекая в камне бога Пана (от санскритского Pen, откуда пенаты — то есть первые, древние), бога Термина в полях, сельских сатиров, постоянно воспроизводили тип, который был не типом господствующей расы, но тип сельского населения, весьма похожий на финнов. И не иное значение имеют имена фавнов и сатиров, кроме как «народ (раса) обитающий в полях и лесах»; и, возможно, «силен» было прозвищем, данным народу, у которого был приплюснутый нос.

Тем не менее, представляется установленным, что когда около тысячи лет до Рождества Христова и за 240 лет до основания Рима пеласги вошли через Альпы и окончательно основали исторический этрусский народ, они уничтожили 300 городов умбров, сохранив лишь те, которые им было удобно занять и укрепить.

Это смешение рас объясняет, как и почему в Кортонской области найдены кости людей очень высоких и людей маленького роста. Впрочем, когда речь идет о гигантах в древ-

них легендах, не следует понимать это слово слишком буквально. Если, как здесь случилось, народ-завоеватель был среднего роста выше, чем местная раса, то ясно, что в воображении последней возникало представление о гиганте. И также вероятно, что несколько семей, пришедших с основной массой завоевателей из германских земель, имели исключительный рост.

Даже сегодня Померания дает знаменитых прусских грендеров. Но что существовали целые народы гигантов — это мечта; и более верно сказать, что в доисторические времена или в сумерках истории были целые народы, чей средний рост был заметно меньше, чем у арийских или индогерманских народов.

Возвращаясь к пеласгам, скажу еще, что не следует даже предполагать, будто они безмятежно господствовали в Этрурии. Напротив, кажется, что с прибытием тирренов, более родственных расенам, чем пеласгам, народ расенов вновь обрел господство, тогда как в Лации оставались господствующими пеласги. И это объясняет всю историю — иначе необъяснимую — прихода в Рим первых царей-этрусков, разделения на патрициев и плебеев, изгнания Тарквиниев, пришедших из Этрурии, и той беспощадной войны, которую затем римляне вели против этрусков. Патрициями были этруски-пеласги, плебеями — этруски-умбры или финны, и плебеями были расены по отношению к Риму, хотя и более древние в Италии.

Смит, опираясь на немецких авторов, полагает, что расены пришли после пеласгов. Более точно сказать, что с помощью тирренов первые вновь обрели верховенство.

Как бы то ни было, Кортонa была сперва умбрским центром, затем расенским, затем пеласгическим, затем вновь расенско-тирренским.

Что касается причин миграций первобытных народов, скажу кратко, что их было несколько. Быстрый рост племен, которые, особенно если они занимались скотоводством, были вынуждены постоянно перемещаться в поисках достаточных пастбищ; тектонические катаклизмы, которые, как тот, что поглотил Атлантиду и изменил лицо Италии, вынудили целые народы бежать из мест своего обитания и рассеяли уцелевших из тех, кто был поглощен.

Ниспи-Ланди полагает, что от этого последнего катаклизма произошло слово «аборигены», которое, по его мнению, является искажением «аберригены» — то есть народ, который после катастрофы бродил в ужасе по лесам на высоких горах, оставшихся вне вторжения вод и вулканических огней. Также войны между соседними народами и внутренние раздоры были причинами вторжений и миграций.

2. Язык этрусков

Этрусский язык произошел от санскрита и кельтского. А от этрусского произошла латынь — а не от греческого, как полагали поначалу; поскольку греческий язык, на мой взгляд, был позже этрусского и родился из пеласгических миграций, или, самое большее, был современен ему, если был принесен финикийцами. Такого же мнения придерживается и Микали (глава 29).

Лупи, напротив, следуя мнению, приписываемому Моммзену, полагает, что латинский, этрусский и сабельский алфавиты происходят от двух алфавитов греков — которые, в свою очередь, получили их от финикийцев.

И чтобы поддержать это мнение, он вынужден допустить:

- 1) что греки обладали более древней цивилизацией, чем этруски;
- 2) что в Греции (на столь маленькой территории) были народы со старыми алфавитами и с новыми;
- 3) что этруски без Греции не сумели бы писать;
- 4) что финикийцы не высаживались в Италии в глубочайшей древности;
- 5) что этруски, писавшие справа налево, научились этому обычаю от греков, которые уже писали слева направо, когда вступили с ними в контакт.

Оливьери (Dissert. Corton. II, 52) также высказал пример-

но то же мнение, которому затем последовал Лупи, с тем лишь дополнительным недостатком, что предполагает, будто этруски научились письму у греков около 200 года от основания Рима.

Если принять основание Рима в 752 году до Рождества Христова, то из этого следовало бы, что этруски учились у греков писать известными нам знаками книги и справа налево, когда уже Тарквиний Гордый покупал книги Сивиллы как древнейшие писания, и сто лет спустя после того, как Нума Помпилий велел похоронить вместе с собой двенадцать книг, написанных по-латыни. А время Тарквиния было уже вершиной расцвета этрусской цивилизации!

Фаббрети полагал бы, что введение письменности в Этрурии восходит к 300 годам после Гомера, то есть ко временам Ликурга (845 г. до н. э.), что соответствовало бы ста годам до основания Рима. И эта гипотеза неприемлема. Подумаем: Туррена была основана за 2000 лет до Рождества Христова, а Рим был основан, когда этруски находились в расцвете цивилизации.

Недавно один выдающийся филолог заявил и доказал, что истоки латинского языка следует искать в этруском, а не где-либо еще — мнение, которое много лет отстаивал Ниспи-Ланди. И действительно, древние римские писатели говорят, что Демарат из Коринфа (а не Коринфа) обучил латинов алфавиту: что подтверждает этот тезис. Однако есть один пункт, который нельзя оставить без обсуждения. Этруски,

как и семиты, писали справа налево.

Греки и римляне писали слева направо. Противно всякому принципу филологической критики предполагать, что народ, не знавший письменности, принимает этот дар, капризно изменяя его основу. Поэтому следует полагать, что римляне уже использовали графические знаки, полученные *ab antiquo* от аберригенов, подобно тому как они имели язык (оскский, сабинский?), возможно, также произошедший от кельтского; и этими графическими знаками они писали слева направо — ибо таков был, вероятно, способ пеласгов. Затем они приняли этрусский алфавит, следуя древнему методу, который позднее навязали самим этрускам. Поэтому в этрусских гробницах находятся сначала надписи справа налево; затем надписи бустрофедоном — то есть одна строка справа налево, а другая слева направо; затем надписи полностью слева направо.

Несомненно, что латинские прописные буквы — это частью этрусские, повернутые в противоположную сторону, за исключением G, которой у этрусов не было и которую римляне, возможно, получили от кельтов; Q, неизвестной оскам и этрускам и составляющей существенную часть латыни (*Quirinus* — *Quirites*); O, которой этруски не пользовались, но которая была у самнитов, граничивших с римлянами; V, которая не встречается в этрусских надписях, но есть точно такая же (в перевернутом виде, разумеется) в оскском алфавите; D, которой нет в этрусском, но есть в оскском. На-

конец, следует отметить, что этрусская F выполнена в виде 8; и что оски имели двойную букву PS, не принятую в латыни, и общую с латынью R.

И поскольку все остальное в оскском алфавите общее с этрусским, более естественно предположить, что римляне извлекли латинский алфавит из оскского. Фрере с помощью терпеливого анализа исторических преданий доказывает, что латины и жители Вей были пеласгами. Это привело бы к заключению, что пеласги уже обосновались вокруг Рима до того, как другие группы той же расы вошли в Центральную Этрурию.

И тогда все свелось бы к тому, что этрусский, оскский и самнитский алфавиты имеют общее происхождение с умбрийским и тем же пеласгическим, и что пеласги добавили к ним некоторые недостающие в тех буквы, которыми они, пришедшие позднее, уже обладали, сохранив при этом письмо слева направо.

Из этрусского языка, на котором говорили в Кортоне до господства римлян, до сих пор удалось расшифровать немного.

Ныне изучение этого языка и родственных ему, получив новое направление — поиск его словаря в латинском языке, — дает надежду, что удастся понять немного больше того, что нам сообщили Эвгубинские таблицы. Ради простого любопытства скажу, что слово Lartī или Laerte, часто встречающееся в погребальных надписях, означает «Господин» и

происходит из санскрита.

Были женские имена Aprona, Nisa, Renalisa, Atina — все с окончанием на -а, которое и в латинском языке характеризовало женские имена. Larissa — от Larti, то есть «дом господ», затем «храм душ великих умерших», затем «крепость». Lucimone — от Lucus «роща»; потому что первые вожди собирали племена на совет на открытом пространстве посреди рощи, по большей части там, где находился храм или ларарий.

Окончание -sa указывало на замужнее состояние.

Так, Latinisia — «жена Латина»; Aniasa — «жена Ания». Окончание -al обозначало происхождение. Так, Latinial — «сын Латинии»; Tetinal — «сын Тетинии».

Слово clan после вышеуказанного окончания -al обозначало особо сына мужского пола от мужчины или мужского ребенка женщины, к которой относилась надпись.

Многие довольно странные имена, которые и сегодня дают женщинам во многих частях Тосканы, суть те же самые, что использовались до христианства и были упорно сохраняемы.

Например: Электра, Атланта, Аргия, Чезира, Диомира, Пальмира, Зельмира. А этрусского происхождения — быть может, Элиза, Адальжиза, Заира.

Что касается слова «этруски» (лат. Etrusci), Уччелли, резюмируя мнения разных авторов, предполагает, что Etrusci — это Etr-Usci, то есть «другие оски». Но почему «другие»?

Ниспи-Ланди полагает, что оно происходит от E-tr-uscī, что значило бы E-tot-uscī; а поскольку этруски употребляли «а» вместо «о», это равнялось бы e-tot-oscī, то есть «союз всех усков, или осков, и городов». И это имя, возможно, возникло в 1350 году до Рождества Христова. В таком случае, однако, имя Tuscī (туски) было бы не чем иным, как Oscī с буквой Т впереди, то есть Tot-oscī. Современное слово Toscana (Тоскана) было бы возвращением к древнему произношению. И следует также предположить, что история основания или переоснования Кортонь Тарконтом предшествует имени «этруски».

Произношение этрусков, где преобладал тирренский элемент, было гортанным, и оно до сих пор сохранилось таким на территории, ближайшей к морю. Напротив, в более гористых местах, где более преобладающим остался умбрский и расенский элемент, оно имело несколько иной оттенок.

3. Религия этрусков

Религия этрусков, а следовательно, и древних кортонцев, древнейшая и была первой наставницей цивилизации. Это была религия Тинии, или Тины (то есть Юпитера): отсюда вышеупомянутое женское имя Атина — то есть «под защитой Тины».

Это был политеизм, имевший богинь Геру, Туран, Деметру, Лалу или Ласну и богов Тармса, Сетланса и Мавормса, которые затем, с распространением греческой мифологии, стали Юноной, Венерой, Церерой, Дианой, Меркурием, Вулканом и Марсом. И в самом этруском языке говорилось также Миркуйрос (Меркурий), Нетанс (Нептун), Хеста (Веста). Геркулес происходил не от греков, и не греческими были Кастор и Поллукс. Весь римский религиозный обряд был этруским. И христианская церковь в некоторых чисто внешних формах (например, алтарь (*alta ara*), пастырский посох и некоторые части священных облачений) сохранила еще следы этруских религиозных обычаев.

Не доказано, что этруски совершали человеческие жертвоприношения. Если когда-либо этот обычай и существовал, он уже прекратился ко времени основания Рима.

Истинным основанием религии этрусков был культ мертвых. Одна из величайших и самых возвышенных их идей была идея бессмертия души. Отсюда *manes* — маны, то есть

«то, что остается» (души); *morire* — «умирать», *abire* — «уходить к культу», становиться почитаемыми.

Древнейшие этруски хоронили, а не сжигали своих мертвых. Когда расы смешались, стали также использовать погребальный костер, особенно высшие классы. Душу они представляли в виде бабочки; отсюда греческое «психе», что означает и «душа», и «бабочка».

Наконец, чисто этрускими были авгуры, или гаруспики — жрецы, предсказывавшие будущее, и этрускими были прославленнейшие сивиллы, среди которых одну нельзя было назвать слишком далекой от Кортены, а именно из Тиоры, ныне Турано близ Риети у подножия Велино, о которой говорит Винченцо Джоберти в своей книге «О благом» (*Del Buono*). От нее получал предзнаменования царь Пик, и она была знаменитейшей.

Этрусский политеизм был свойствен не только этрускам-пеласгам, но и первым этрускам, то есть умбро-финнам. Несомненно, когда эти народы двинулись из своих первых поселений, они были монотеистами, как семиты (евреи). Но предоставленные сами себе, они вскоре смешали отцов (*patres*), то есть своих великих умерших — чьи души они (и справедливо) почитали всегда живыми и присутствующими, — с атрибутами Бога Провидца и Благодетеля и сделали их множеством второстепенных богов.

Только семиты остаются неколебимыми в вере в единого Бога, веруя при этом в будущую жизнь; и в этом неверующая

критика вынуждена признать величие факта и библейского установления, которое с человеческой точки зрения кажется невероятным.

Впрочем, потребность, которую психика нашей расы имеет в сверхъестественных вспомогательных духах, доказывается тем, что Церковь сочла уместным упорядочить и мудро соразмерить почитание ангелов и святых, которое в противном случае вскоре привело бы народы обратно к древнему политеизму.

4. Основание Кортонь

Согласно Дионисию, Кортонь была умбрийским городом, впоследствии занятым пеласгами. И ныне в этом сходятся большинство современных историков.

Следовательно, народу умбрий принадлежит история ее первого основания. Тарконт, сын Туррена, основал Кортонь и назвал ее Турреной в честь своего отца, который назывался Турреном, потому что строил первые башни. И Туррена была укреплена башнями. Из этой легенды древние историки хотели вывести заключение, что Туррен был одним из тех, кто вышел из Ноева ковчега вместе с Янусом.

Лесбий же пошел еще дальше. Он утверждал, что основателями Кортонь были просто Ной и его сыновья.

Также и Лауро Романо, приведя в Этрурию Ноя и его сыновей или внуков через 108 лет после потопа, составляет хронику царей Этрурии, которая фантастична, особенно в первые четыреста лет. Даже допустив, что люди размножались быстро, они не могли плодиться как кролики. Итак, через сто лет после библейского потопа на обширной и плодороднейшей территории, подобной той, где высадился Ной, людей все еще было недостаточно, чтобы ее заселить. С какой целью они отправились бы в долгое и тягостное путешествие через безлюдные области, чтобы прийти и водрузить знак именно на тосканском Аппенине? И что еще более

странно в этой хронологии: Ной [который был бы Янусом I], пробыв в Италии 33 года, преспокойно отбыл бы обратно на берега Тигра — возможно, присутствовать при закладке первого камня Вавилонской башни, а лет через сто вернулся бы в Италию, чтобы остаться там еще на восемьдесят два года! Все это нелепо, и единственное, что можно допустить, — это то, что потомки Хама и, вероятнее всего, сыновья или внуки Ханаана, Хета и Нефтуима были первыми, кто основал Кортону, и приняли имя Омбров, или умбров. Затем пришли потомки Иафета, пеласгической основы, но уже прошедшие через черные и желтые народы, вероятно, сыновья или внуки Иавана и Тираса, и это были Расены, которые смешались с умбрами. Третьими прибыли с Пиком Марцием исторические пеласги.

Отметим здесь сходство Иавана с Япаном и Японией (желтая раса), Нефтуима с Нетунсом — этрусским Нептуном, Тираса с Турреном, а также корень Хет в слове *Etrusci*, которое могло бы быть *Het-Osci*, *Netusci*, *Tusci*, *Etrusci* — то есть оски, потомки Хета, сына Сидона, который был сыном Ханаана. Это происхождение было бы проще, чем то, что дает Ниспи-Ланди, и естественнее, чем то, которое дают Дионисий Галикарнасский и Плиний, — что *Tuscos* по-гречески означало бы «гаруспики». Но латины вовсе не знали греческого, когда называли жителей Этрурии тусками! Неприемлемо и мнение Скалигера, что *Etruria* происходит от греческого *Oturesia*, то есть «гора». Бесполезно искать в Греции истоки

имен, гораздо более древних, чем греческая цивилизация. Предложенное мною происхождение находит также опору в имени Энотров, в древности данным италикам, поскольку Энот — это не кто иной, как Ной. Следовательно, «потомки Ноя». Что касается происхождения и значения слова «оск», авторы, не найдя ничего в обычном греческом языке, строят малочисленные и тщетные догадки. Замечу, что в латинском языке есть слово *Oscinam* — «ауспиций, основанный на птицах»; замечу также, что в слове «опик» (синониме «оска») мы имеем слово «ауспикас», ибо знаем аналогию между «ап» и «о». Потому я полагаю, что «оск» означает «гаруспик, авгур, прорицатель». И таким образом мы оказываемся точно перед тем же самым атрибутом, который все давали древним цивилизаторам Лация и Этрурии. Поищем теперь кратко происхождение слова «умбры» (*Umbri, Ombri*).

Согласно цитате у Тартальيني, Святой Антонин, архиепископ Флорентийский, производит его от *Imbribus* — по латыни *imbricus* — «дождливый» и *imbrex* — «черепица, защищающая от дождя», поскольку они были единственными, кто спасся от Потопа, и поселились между Арно и Тибром.

Но если под этим понимать спасшихся в ковчеге с Ноем, тогда — согласно Библии, которую святой Антонин не оспаривал — все люди были бы умбрами. Если же он понимает, что они спаслись сами собой, не прибегая к Ною, тогда мы вступаем на совершенно новую почву, и нужно было бы искать их происхождение в Каине и Авеле или же в

автохтонной расе, то есть родившейся в Италии путем самозарождения. Все это не выдерживает критики. Впрочем, вышеупомянутый святой просто повторил нелепость, выдуманную греками и точно цитируемую Фрере (*Mémoires de l'Académie des inscriptions*, Vol. IV, стр. 302, примечание).

Слово *Ombri* — кельтское и означает «благородные, доблестные». Единственное число *Ambra* имело то же значение в языке ирландцев. Подобно им, умбры были кельто-финнами. От умбров осталось название реки Омброне.

Но когда произошло первое основание Кортонь? Оно произошло не ранее чем через 500 лет после потопа и примерно через 300 лет после Вавилонской башни. И в самом деле, как бы быстро ни размножались люди, возможно ли было Ною и его потомкам стать столь многочисленными, чтобы за 200 лет заселить Азию, Африку и Европу?

И все же, согласно историкам, которым верят и Лауро, и Тартальини, Янус, вышедший из ковчега, уже меняет имя Кортонь с Турренъ на Корито, а его сын Камесен через 268 лет после потопа уже отправляется из Кортонь колонизовать Ливию! И тогда откуда же пришли и когда пришли Тарконт и Туррен?

Итак, вот вывод из этого краткого критического разбора: Умбр Тарконт основывает Туррену около 2000 года до Р. Х. (рождение Авраама).

Расен Янус завладевает ею двумястами годами позже. Янус — это старый Сатурн, который даровал италикам граж-

данскую жизнь и аграрные законы. Но он не был Ноем, а был его внуком, потомком Иавана.

Около 1700 года до Рождества Христова. вторжение народов, называемых Гигантами, обращает в рабство омбров и расенов. Тогда Камесен, потомок Тарконта, эмигрирует в Ливию, где, возможно, дает начало Иксосам, то есть династии царей-пастухов в Египте; а расен Дардан, сын Януса Сатурна, бежит в Малую Азию и основывает Дарданию, которая затем назвалась Троей — по Тросу, потомку Эрихтония, сына Дардана. Завоевателями Умбрской Этрурии были, вероятно, иберы или лигуры, во всяком случае, кельты с этническими признаками, не схожими с признаками расенов.

Пик с пеласгами (около 1300 года) и вскоре после него Геркулес с пеласгами-аргейцами, а также сын Геркулеса (который уже принимает имя Туск как титул верховной власти) изгоняют гигантов (иберов и пр.) и большую часть омбров и основывают народ расенско-пеласгический, или новый этрусский (примерно за 600 лет до основания Рима Ромулом).

Итало Аталай (вот древние сатурнические и пеласгические имена) приходит править в Коритону и отдает свою дочь Электру в жены Камбобласкону, зависимому от Туска (около 1000 года до Р. Х.).

Янус именовался Разенно, что означало «жрец» или «распространитель». Когда он основал свою династию в Кортоне, он был провозглашен Корито (этруски писали Курито), и он

назвал Корито древнюю Туррену, которая затем, в увеличительной форме для обозначения величия, стала называться Коритона.

Corito и Curito имеют тот же корень, что и Cure, Quire, Quirinus, то есть «копье», поскольку верховная власть вождя была представлена правом держать копье при исполнении общественных функций.

Об Умбрской Кортоне, то есть о Туррене, память сохранилась еще в Торнии, которая была Турнией — первой колонией Турренов на Кортонских горах.

Из всего этого следует, что первое основание Трои не могло быть пеласгическим. Ибо ясно, что если Троя под именем Дардании была основана в 1614 году до Р. Х., как признают хронологи, а пеласги пришли в Этрурию не ранее 1300 года до Р. Х., как полагают все историографы, то Дардан, отправившийся из Кортонны за 300 лет до входа пеласгов, не мог быть пеласгом. Я предполагаю, следовательно, что первое основание было делом расенов, а пеласги пришли туда с Геркулесом в 1314 году. И Геркулес Марций, будучи пеласгом, не имел бы, в самом деле, никакой причины идти завоевывать Дарданию, если бы она была населена теми же пеласгами, что и он.

Этот Геркулес — именно тот, кто изгнал из Италии иберов, лигуров, умбро-кельтов, принял в союзники этрусков и тирренов, основал первую колонию Таврину (Турин) для охраны Альп и был удостоен храма Геркулеса Монойского

там, где он одержал великую битву и где до сих пор существует название Монако близ Ниццы.

5. Лукумоны. Обычаи и нравы этрусков

После скудных и противоречивых сведений о ее основании древние историки больше ничего не сообщают нам о Кортоне за долгий период, предшествовавший господству римлян. Они упоминают ее как важный город — и не более; более того, Ливий говорит, что она была одной из трех столиц: «Перуджа, Кортонна, Ареццо — главные центры этруских народов».

И как столица, она была резиденцией лукумона, или царя в весьма ограниченном смысле того времени, более похожего на нынешнего президента в республике союзных государств. Он носил пурпурное облачение, золотую корону, скипетр, увенчанный орлом, курульное кресло, фасции ликторов с секирой — все то, что римляне впоследствии заимствовали; а некоторые из этих знаков дошли до нас в качестве королевских регалий.

Кортонцы тех времен были любителями развлечений и особенно загородных прогулок в горы, с пиршествами из молочных блюд и игрой в качели (лат. *oscillum*). Женщины одевались элегантно, возлежали на пирах вместе с мужчинами и носили на голове высокий колпак конической формы, называемый тутулус. На шее у них были ожерелья из крупных драгоценных камней, судя по протомам на крышках гробниц

— также и из желтого янтаря. Судя по дошедшим до нас росписям и скульптурам, кажется также, что матроны Кортонны были отнюдь не худыми.

Мужчины не брили бороду, но тщательно ее выравнивали и пропитывали смолой. Они носили тунику и паллий, а также тогу с пурпурной каймой и плащ. Крестьяне же носили короткую одежду с капюшоном зеленоватого цвета.

Женщины носили своеобразного вида сапожки (*calceoli*) с загнутыми вверх носками и высокими каблуками — почти на современный манер.

Богатые люди передвигались по крутым улицам города в носилках, а на равнине — в роскошных колесницах.

Кортонцы, как и все этруски, близкие к Риму, были искуснейшими комедиантами, фокусниками, прыгунами и наездниками.

На войне они носили шлем, панцирь, латы, поножи, щит с копьем и кинжалом; доспехи были из кованой и художественно обработанной меди; оружие — из железа.

В Кортоне процветало искусство ткать шерсть и красить ткани — ремесла, которые были изобретены пеласгами, или, скорее, расенами — потомками Януса. И еще два столетия назад эти ремесла не могли заниматься те, кто не был причислен к дворянству.

6. Топография древнего этрусского города

Систему укреплений Кортонны можно отчасти еще восстановить по остаткам стен. Они не следовали никакой точной линейной разбивке, но были извилистыми и приспособлялись к изгибам горы — как для большей легкости строительства, так и для того, чтобы сделать приступ более опасным для врагов. По этой же причине улицы делались узкими или извилистыми, так чтобы городские ворота не выходили на них по прямой на всем их протяжении.

Ворота были двойными и снабженными опускающей решеткой; примечательный остаток таких ворот виден возле ворот Монтанина. Вдоль стен возвышались высокие и крепкие башни на расстоянии друг от друга, чтобы оборонительный выстрел (камни, дротики, метательные копья) охватывал все промежуточное пространство. На башнях и стенах проходил своего рода высокий парапет, прерываемый через промежутки небольшими отверстиями, и за этим парапетом стояли защитники. От этого сооружения целиком происходят средневековые стены, башни и зубцы.

Представляется несомненным, что улицы Кортонны все или почти все шли от вершины холма вниз, и немногим было поперечных ровных улиц. Так, должно быть, были проложены, если не в Средние века, то в первые века христианской

эры, Руджапьяна и улица Оспedale от Сан-Франческо вверх. Действительно, у многих домов там тонкие стены с фасада, тогда как древние, очень прочные стены обращены в сторону боковых переулков, ныне закрытых, где видны еще следы древних окон.

Некоторые утверждают, что Кортонa до Средних веков имела в окружности около семи миль. Но это мнение несостоятельно перед лицом остатков стен, которые мы имеем перед глазами и на которых были построены стены поздних времен. Скорее, такой окружности достигали вместе с многолюдными предместьями за стенами.

Городские ворота, следовательно, должны были находиться на том же месте, что и нынешние, включая те, что ныне закрыты в конце улицы Гиббеллина, и ворота Сан-Доменико, снесенные после 1860 года. И говорю я это потому, что город, хотя и многократно был razoren, но никогда не был полностью разрушен и покинут, и по справедливому правилу следует считать, что главные улицы продолжали следовать тому же направлению и тому же ходу. Однако уровень некоторых ворот был ниже, как очевидно видно по упраздненной улице ворот Гиббеллина; и потому уклон некоторых улиц был круче.

Ворота, ныне закрытые, что возвышаются над Виллой Сернини близ Королевского монастыря салезианок, были древними воротами, которые в Средние века назывались Берарда.

Внутри города находилась крепость, или цитадель, а внутри цитадели — Ларисса, о которой я уже говорил. Она находилась на возвышенном месте; и там хранились самые священные и самые драгоценные предметы и казна. Туда укрывались для последней обороны сражающиеся, когда внешние стены были взяты приступом. Ныне невозможно точно определить, где возвышалась цитадель. Если принять во внимание археологический канон, согласно которому на заре новой христианской цивилизации почти всегда использовали руины древних зданий, чтобы построить на них или на небольшом расстоянии от них другие здания аналогичного назначения — и так церкви и монастыри возводились там, где стояли храмы, а крепости и твердыни — там, где стояли цитадели, — то можно было бы предположить, что кортонская цитадель находилась там, где была старая крепость. Но ее расположение в непосредственном соприкосновении с внешними стенами исключает эту гипотезу.

Могла ли она находиться там, где ныне монастырь Святой Маргариты? Мне так не кажется, потому что этот монастырь господствует над вышележащим холмом.

Напротив, важные остатки этрусских и римских построек позволяют предположить, что цитадель могла находиться там, где ныне монастырь Святой Клары. Это предположение было бы недурным, если бы не делало его менее вероятным то обстоятельство, что крепость оказалась бы слишком стеснена окружающими домами.

Однако некое общественное здание находилось там, где сегодня монастырь Святой Клары, — возможно, храм, возможно, театр.

В период времени, когда строгая клаузура была ослаблена, я смог посетить его подземелья и установить, что Вазари возвел свое здание над внушительными остатками построек, частью римских, частью этрусских. Вдоль вершины стены, окружающей нижний дворик, я заметил следы ряда окон или древних зубцов (впрочем, не этрусских), а в самом дворике — большой прямоугольный водоем, питаемый и сегодня обильной водой; водоем, который по общей своей структуре показался мне этрусской работы. Тартальيني говорит, что остатки больших водных резервуаров были видны в его времена (1650—1700) у монастыря Мурате.

Насколько мне известно, это никогда не было обозначением монастыря Святой Клары, который сохранял еще имя «монастыря Тарге», данное этим монахиням в их древней резиденции. Впрочем, водоем в то время уже был включен в очень высокую ограду. Но из различных рукописей явствует, что это место называлось Мурате еще до того, как Вазари построил там монастырь Святой Клары, — возможно, как раз из-за толстых стен, которыми оно было окружено.

Правда, что около 1360 года от Р. Х. некий Раньери Казали велел произвести работы там, где ныне монастырь Святой Клары, чтобы устроить мельницу и сукновальню, но работы были оставлены из-за недостатка воды; однако сама хро-

ника, обозначая это место как «водоем», показывает, что Казали хотел воспользоваться уже существовавшими руинами; и часть произведенных работ до сих пор видна в подземельях монастыря, где, замурованная в пилястре, имеется также надпись средневековыми буквами, о которой я расскажу впоследствии.

Другие башни внутренней обороны и наблюдения возвышались там и сям. И к внутренней стороне одной из четырех граней башни должны принадлежать прекрасные остатки, видимые на участке под №5 на углу переуллка дельи Оспиций и улицы Спедале.

Об архитектуре зданий этрусской Кортонь ничего точного сказать нельзя, потому что не осталось камня на камне. Пусть читатель, однако, считает достоверным, что она не имела ничего общего со средневековой архитектурой, которая после падения Римской империи господствовала безраздельно вплоть до так называемого Возрождения и дает много ценных образцов в самой Кортоне. Этруски имели свой собственный архитектурный ордер, который походил на дорический; но в тяжеловесности и наклоне стен в древнейшие времена имел некоторое сходство с египетскими постройками. Частные дома, как и первые дома в Риме, должно быть, были в один или два этажа и не более, с маленькими прямоугольными или с круглой аркой окнами, обрамленными камнем; дверь — с архитравом, опирающимся на консоли; повторяющийся карниз по линии разделения верхних окон;

и черепичная крыша, не слишком отличная от нынешней.

Представление о стиле построек жилищ простого народа можно приблизительно получить по домикам под №9, 11 и 13 на улице Яннелли, в которых мы имеем, возможно, многовековое повторное воспроизведение старого типа.

Представление о домах римской колонии можно еще получить по архитектуре дома №2 (кроме двери) и следующего за ним на улице Сант-Антонио.

7. Монеты, керамические производства

Кортон в этрусские времена чеканила монету. Драгоценнейшими и редчайшими являются те, которые несут на обеих сторонах отпечаток колеса. Прекрасная коллекция таких монет находится в музее Киркериано в Риме, а некоторые можно видеть и в кортонском музее. То обстоятельство, что один и тот же отпечаток находится на обеих сторонах, доказывает, что Кортон чеканила монету как господствующий город или метрополия.

Города-союзники, не являвшиеся столицами, чеканили колесо на одной стороне, а свою собственную эмблему — на другой.

Что касается значения колеса, то никаких точных заключений сделать нельзя. Аллегорически оно могло бы обозначать состояние союза и политическое объединение периферии с центром; оно могло бы также означать, что город был резиденцией вождя, который в бою имел право сражаться, стоя на героической колеснице.

В этрусской и римской Кортоне также процветало искусство гончара. Мастерские Кортон были как бы отделениями знаменитейших мастерских Аретцо. И от этого искусства произошли фамилии Вазари и Вазелли, а также название Фильине, данное местечку между Сан-Джованни и Флорен-

цией, что является древним словом Figulinum, то есть «страна изготовителей глиняной посуды». В предместье Сан-Винченцо в Кортоне до сих пор продолжается занятие этим традиционным искусством, и там изготавливаются вазы и амфоры, которые отличаются художественным рисунком и прекраснейшей глазурью.

Фабрика Катросса имеет, напротив, совершенно современное происхождение. Она восходит к началу XIX века и была основана Венути с персоналом и материалом, привезенными из Неаполя, в подражание знаменитой фабрике Каподимонте. Вероятно, потомки некоторых из неаполитанских мастеров существуют еще и сегодня в окрестностях Кортонь.

8. Исторические события этрусской Кортонь

О фактах и исторических событиях Кортонь от ее основания до 1200 года христианской эры неизвестно почти ничего. Клавдий Август написал историю Этрурии в двадцати книгах, и, конечно, многое он рассказал и о Кортоне; но, к сожалению, ни одной строки из этого труда до нас не дошло.

Известно лишь, что в 310 г. до Р. Х. римляне начали войну против всего этрусского союза, и в тех обстоятельствах Кортонь действовала самостоятельно и заключила с Римом мир на 30 лет. Остальные этруски были разбиты у Вадимонского озера (ныне озеро Бассано); и вскоре после этого, несмотря на заключенный мир, Кортонь также попала под власть Рима. И такова всегда будет участь тех народов, которые, испытывая привязанность к родному городу сильнее, чем узы нации, полагают, что они спокойнее и свободнее в союзной форме, нежели в унитарной.

Впрочем, сам факт мира, заключенного Кортонь отдельно, позволяет предположить, что народы этого города имели в преобладающей степени родство и близость с правителями Рима в ту эпоху большую, чем этруски других лукомониев.

После этого события Кортонь исчезает из истории. Во время марша Ганнибала перед знаменитой битвой при Тразименском озере она мельком упоминается Полибием и Ти-

том Ливием. Понятно, что ввиду ее неприступного положения сражающиеся армии оставили ее в стороне.

Во времена Суллы (по Дионисию) римляне вывели туда колонию, которая обосновалась на холме, как естественно подсказывала стратегия.

Они, несомненно, заняли цитадель и построили общественные здания в верхней части города — возможно, театр и, без сомнения, бани, как было в обычае у римлян. Остатки бань сохраняются до сих пор, и я расскажу о них впоследствии. Однако Кортоня, должно быть, уже имела полностью каменный амфитеатр, как имели все этрусские города; изумительный образец такого амфитеатра можно видеть в Сутри. Римляне же, напротив, до диктатуры Цезаря и по ритуальным соображениям не строили театров иначе как из дерева. Невозможно узнать, где находился этрусский театр, если только он не был там, где ныне монастырь Святой Клары, или, что гораздо более вероятно, на пространстве вокруг дома Черулли за дворцом Лапарелли.

Римляне вошли через ворота Колония, которые как раз по этому факту получили и сохранили такое название. Причина этой колонизации мало известна. Несомненно, ее первыми побудительными мотивами были необходимость раздать земли и дома легионерам, а также держать в узде беспокойные подчиненные города. Но когда говорят «римляне», нельзя понимать, что это были исключительно семьи из Рима. Под именем римлян правители Рима включали в себя людей

из всякой провинции, и легионы были, как наши нынешние полки, составлены из людей разного происхождения. Иногда каждый регион формировал особые легионы.

Несомненно, что эта колония была новым пеласгическим наслоением на этрусский расенский элемент.

Полагают, что при этих обстоятельствах те кортонцы, которым пришлось покинуть свои дома, отправились строить нынешний Кастильон-Фьорентино; который, однако, не мог тогда называться таким именем, потому что Castiglione происходит от латинского Castellum — слова, которое, хотя и употреблялось Цицероном, не использовалось в значении укрепленного города или поселка иначе как в эпоху упадка. Кажется, что при основании он принял имя Arretium Fidens; и это имя дало бы основание тем, кто считает, что Кастильоне был основан аретинцами, изгнанными Суллой. Но если принять во внимание, что именно Сулла послал римскую колонию в Кортону, то не лишено основания предположить, что изгнанные кортонцы и аретинцы образовали новый центр, причем большинство составляли кортонцы. И в качестве доказательства также приводят тот факт, что Кастильоне и сегодня имеет своим гербом святого Михаила с Драконом. Этот герб был бы не чем иным, как христианским преобразованием эмблемы, которую имела Кортонна и которая была крылатым Драконом или, по мнению некоторых, Эскулапом со змеем, — эмблемы, которую основатели Кастильоне из Кортонны захотели сохранить. В таком случае

можно сказать, что герб Кастильоне — один из древнейших в мире по своему происхождению. И можно было бы также сказать, что истинными потомками древних коритян являются кастильонцы, тогда как нынешние кортонцы в городе представляют собой смешанное потомство умбров, этрусков и римлян. Я говорю «кортонцы города», потому что те, кто в сельской местности, помимо сохранения древних типов, смешанных с типами, привнесенными всеми армиями, которые многократно проходили по ней вплоть до нового времени, часто являют тип, в котором преобладают черты германской расы: тогда как их диалект — весьма далекий от тосканской речи — имеет большое сходство с романьольским. А если структура диалектов коренится в языке древних рас, то следует допустить преобладание галльских интонаций — либо привнесенных галлами войсками из древней болонской области в силу их близости, либо сохраненных от древнего диалекта кельто-умбров.

Римская колония Кортонна уже не фигурирует в перечнях Плиния и Птолемея. Отсюда можно заключить, что она не возобновлялась; и первые римляне, которые туда отправились, в конце концов слились с муниципием, то есть с гражданством, которое не имело всех прав римского гражданства. И город продолжал существовать, как явствует из этруских надписей, собранных Гори.

Но здесь заканчиваются всякие исторические сведения.

Из актов некоего собора следует, что в первые века хри-

стианства Кортонна уже имела епископа, который затем, несомненно, был у нее отнят на несколько столетий из-за разногласий с епископом Ареццо.

Наконец, известно, что в 450 году готы овладели городом и разорили его. Каковы были масштабы и последствия этого разорения, мы не знаем. Только позволю себе высказать вероятное предположение, что черты германского типа в некоторых семьях кортонской сельской местности (а также и города) происходят также от этих готов (истинных германцев), многие из которых, должно быть, сказали: «*hic manebimus optime*¹».

¹ лат. — здесь мы останемся превосходно

9. Археология и руины

От остатков этрусской и римской Кортонь очень немногие вещи еще можно увидеть. Первейшим среди остатков древних памятников является гипогей, называемый гротом Пифагора, который находится под предместьем Сан-Винченцо на своего рода площади, обрамленной высокими кипарисами. Эта гробница составляет предмет особой главы настоящей книги. Поэтому здесь я скажу только, что это никогда не было гробницей Пифагора; что она гораздо более древняя и относится к умбрской эпохе; что это, вероятно, та самая гробница, которую Дионисий Галикарнасский упоминает как «гробницу таинственного карлика»; и что поистине достойно сожаления варварство, с которым она была разрушена в относительно недавнее время, а также равнодушие и небрежение, с которым ее оставили в запустении. Я желаю, чтобы Этрусская академия — единственная, кто может сказать действенное слово, — позаботилась о реставрации, которая требует небольших затрат, и о будущем сохранении этой древнейшей гробницы.

Другой важный и обширный гипогей был открыт в 1843 году близ станции Камуча на землях семьи Сергарди. Это место называется ныне Мелоне по форме холмика, который его покрывает. Этот гипогей уже был открыт, исследован и разграблен в другие времена. Там были найдены еще неко-

торые разбитые вазы, куски саркофага и фрагменты мраморных барельефов, изображающих сражения, часть которых находится в Кортонском музее. Миссирини дал ему напыщенное описание. Другие гипогеи находились в Содо, один из которых, на участке Томмази, был открыт и испорчен в уже отдаленное время. Но он, должно быть, состоял из двух наложенных друг на друга этажей, и, возможно, нижний этап, еще погребенный, остался неисследованным.

Остатки гробниц существовали в прошлом веке на склоне горы Сант-Эджидио, и от некоторых еще видны следы.

Знамениты остатки стен Кортонны, подобные остаткам стен Вольтерры, Популонии и Фьезоле. Они состоят из больших глыб разных размеров, наложенных друг на друга без цемента. Некоторые, как за воротами Колония, имеют в длину более двух с половиной метров, около 80 сантиметров в ширину и до метра в высоту. Эти стены перестраивались многократно и были надстроены в разных местах. Первое их сооружение принадлежит умбрам и было продолжено в том же стиле расенами и пеласгами. Римская кладка видна по хорошо обтесанным и соединенным камням. И наконец, кладка поздних времен сделана из более мелких камней, хорошо скрепленных известью — на некоторых участках, и более небрежная и упадочная — на других; и это из-за непрерывных войн, частых разрушений и поспешных перестроек.

Если сделать быстрый обход вокруг стен, начав от ворот Колония, то справа от выходящего находится красивый оста-

ток высотой около двух метров. Там, в лоджии ворот, видны еще остатки фигуры, высеченной в Средние века и изображающей древний герб Кортонь — то есть святого Михаила. Слева этрусская стена поднимается на три метра. В двадцати шагах после первого поворота стены открывается участок около 30 метров, сделанный из хорошо обтесанных глыб. Следует другой участок с работой похуже и камнями помельче. За Дуомо стены показывают, что древние глыбы были вновь использованы после предыдущих повреждений. Под площадью Дуомо вновь появляется часть древней кладки, сильно разрушенной, вплоть до ворот, в древности называвшихся ворота Санта-Мария. Бастион слева от этих ворот — целиком работа Медичи.

Вдоль рынка виден красивый участок довольно высокой стены хорошей работы с современными линиями, на которую наложены жалкие стены из мелких и плохо уложенных камней. Эта стена прерывается в определенном месте и вновь оставляет открытыми остатки этрусской постройки в плохом состоянии вплоть до того места, где видны следы закрытых гибеллинских ворот. Примерно в том месте, где открывались гибеллинские ворота, которые были двойной аркой и сохраняли древнюю этрусскую кладку, видна небольшая плита из белого мрамора, уже отчасти разрушенная, на которой еще можно прочесть следующие слова:

Moenioru (m) ambitus et... restitutus et auctus... sen. Carolo Cursinio Com. A. D. MD...

Сенатор Карло Корсини был медицинским комиссаром в Кортоне в 1630 и 1631 годах, а затем снова с октября 1642 по октябрь 1643 года.

Плита относится к 1642 году. После этих ворот стена упадочная.

У ворот Гвельфа естественная скала образует высокое основание для стены. Затем, незадолго до прибытия к воротам, есть участок, который частью сохраняет древнюю кладку, а частью представляет собой перестройку из тех же древних камней. Арка ворот относительно современна с внешней стороны.

Следующий участок, поворачивая к старинной площадке для игры в мяч, почти весь перестроен. Там и сям вновь употреблены в дело этрусские глыбы. После площадки для игры в мяч виден след отверстия маленьких ворот, соответствующих продолжению вышележащего переулка Корацци, уклон которого внизу, должно быть, был более низким. Не доходя до площади Гарибальди, есть участок более сорока шагов древнейшей кладки, но отреставрированной в поздние времена.

Некоторые остатки видны еще на углу этой площади и другие при входе на улицу, ведущую к церкви Сан-Доменико. Затем кое-какие остатки вдоль подъема к Сан-Маргерите и одна довольно хорошо сохранившаяся часть, но которая кажется скорее римской работой, под нынешним приютом для бедных стариков.

Заметным остатком являются горные ворота, которые были двойными; но из двух ворот те, что средневековой постройки, были переделаны сиенцами; от других, которые были с опускной решеткой, остались руины; они, кажется, указывают на древнюю постройку, но многократно переделанную.

Вся часть стен, которая от горных ворот спускается к воротам Колония, была переделана сиенцами. Этрусской же является та часть, что находится слева при входе в город после того, как минуешь ворота. И поскольку этот участок никак не соединяется с остальной стеной, кажется, что он продолжался в сторону нынешнего монастыря Святой Клары и образовывал внутреннюю линию обороны, возможно, периметр цитадели.

И наконец, важный участок этрусской стены виден под крепостью на юго-восточном склоне, который возвышается над виллой Брамазоле. Этот участок стен был отрезан от окружности при соединении в 1527 году периметра крепости со стенами города.

Я уже упоминал остатки башни на углу переулка Оспиций и этрусско-римские остатки под нынешними постройками монастыря Святой Клары. Скажу теперь кратко, что сводчатая камера из глыб без цемента существует, хорошо сохранившаяся, под последним домом слева в конце улицы Гвельфа. Многие считают ее гробницей. Но достопочтенный каноник Фаббрини считал ее тюрьмой, и, вероятно, существо-

вала другая пещера внизу, как в мамертинской тюрьме в Риме. Этруски не возводили гробниц внутри стен и тем более в соприкосновении с ними внутри городов.

Ближайшая церквушка, которая была ораторией братства Св. Себастьяна, а затем превращена в механическую мастерскую, ныне закрытую, построена из глыб, взятых от древнего здания, если только часть стен еще не является этрусской работой. И там находилась, возможно, курия или претура.

Руины этрусских построек находятся также в подвалах дворца Дилидженти на улице Гвельфа.

Спускаясь по улице Гарибальди (древняя Руга Сан-Филиппо) и сворачивая на улицу делла Кампана, попадаешь в извилистый переулок, называемый делла Фонья (сточная канава), потому что ведет к сточной канаве, которая находится там, где в древности открывались гибеллинские ворота. Там же существует слепой переулочек с мостовой, достойной древних времен. Поднявшись на несколько шагов по этому переулочку, видишь перед собой несколько участков, которые не получают ни воздуха, ни света, кроме как со входа. В одном из них, зажегши свет, видишь в стене напротив входа величественный остаток этрусской кладки, образованный большими наложенными друг на друга глыбами.

Повернув налево,ходишь в маленькую комнатку примерно четырех метров, без окон. Приблизив свет к полу, замечаешь вокруг пояс из мозаики из белых и черных камешков, с квадратами и меандрами хорошего рисунка. Пояс не

параллелен одной из стен комнаты, которая, следовательно, должна быть более поздней.

Здесь находился, возможно, маленький храм. И мозаика была в его эдикуле или целле. Быть может, храм был посвящен богу-хранителю близлежащих городских ворот. Центр мозаики, очевидно, был удален в неизвестную эпоху, возможно, в прошлом веке, когда были построены лачужки, которые там красуются, и была закрыта улочка, проходившая вдоль комнатки с мозаикой.

На улице делла Кампана, после дома хорошей архитектуры под №1, находится здание, чей фасад напоминает фасад церквушки. В задней части оно соответствует участку, где находится мозаика.

Не является ли это еще остовом древнего храма, чей перистиль был бы с той стороны, где виден остаток древней стены?

Значимые руины существуют под домом Черулли на улице Маццуоли. Это великолепный остаток этрусской работы, представляющий собой стену длиной около шести метров и высотой пять, образованную большими глыбами без цемента. В том месте, где начинается видимый остаток, находится прекрасная арка, или проход с круглым сводом, построенный из крупных камней без цемента, уложенных клином, со своим замковым камнем. Эта дверь, или арка, имеет некоторое сходство в кладке с арками, найденными в Риме в стенах Сервия Туллия, которые как раз являются этрусской ра-

ботой. Было бы трудно — без проведения других раскопок — догадаться, к какому зданию могли бы принадлежать эти остатки. Но нахождение вблизи башни, что на углу улицы Спедале и переулка Оспиций, позволяет предположить, что здесь находился внутренний обвод обороны, или цитадель, или общественный дворец с тюрьмами. Однако, судя по изгибу, который имеют до сих пор дома, построенные на маленькой площади за дворцом Лапарелли, где находится фасад дома Черулли, я полагал бы, что там был театр, а левее, к церкви Сан-Франческо, — курия, цитадель с государственной казной, и, следовательно, на месте, где теперь церковь, — бани; поскольку место, где стоит церковь, называлось *balneum reginae* (лат. «купальня королевы»). Все это затем было окружено стеной с башнями по углам, остатки которой видны еще в домах №5 и 11 по улице Спедале и под домом №1 на улице Берреттини. Во всяком случае, это интереснейший остаток.

Остаток древней стены, кажется, есть и тот, что под порогом двери под №14 на улице Сан-Марко, которая соответствует верхнему этажу дома, имеющего вход с участка со стороны улицы Монети; и кажется также остатком этрусской кладки боковая стенка домика №17 на этой улице, которая находится в том же направлении, что и несомненно этрусская руина, все еще видимая под госпиталем на улице дель Аморино, почти напротив переулка Амандоли.

Часть боковой стены церкви Сан-Кристофоро принадле-

жит древней этрусской постройке.

Также под дворцом Пассерини находятся этрусские субструкции. Там, возможно, была башня. И этрусские стены были обнаружены под домом Пьерини, рядом с городским дворцом, которые шли в поперечном направлении.

Римской работой являются, несомненно, руины, называемые Бани ди Бакко (Бани Вакха). Что это были бани — все пишут, но мне неизвестно, чтобы были найдены следы водопроводов, что необходимо; и вода могла поступать только по трубам, спускающимся от горных ворот Монтанина. Вероятно, трубопроводы, которые были выше, были разрушены легче. Кладка этих бань — бутовая, и внешняя облицовка полностью исчезла. Они образовывали большой прямоугольник, одна из сторон которого соответствует новому крылу монастыря Сант-Антонио, обращенному к улице Берреттини, одна шла параллельно церкви, другая замыкала нынешнюю улицу, ведущую к дверям церкви, а четвертая соответствовала фасаду дома Сантиччоли. Внутри сада, ныне примыкающего к траттории, видны значительные следы стен и резервуара с инкрустацией.

Некоторые старые домики в переулках близ Сант-Антонио частью сложены из глыб и кирпичей, принадлежавших облицовке стен этого грандиозного римского здания.

Один домик на углу улицы Берреттини с переулком Дзаканья построен одной стороной на прочной стене из больших тесаных глыб, которая кажется скорее этрусской, чем

римской работой. Там должна была находиться либо башня, либо другое общественное здание. Кое-кто полагает, что это была курия или преторий, но это лишь догадки. Только произведя некоторые раскопки с археологической точки зрения, можно было бы, возможно, получить более точные сведения и установить, имело ли здание отношение к соседним баням.

Кусочки римленной бутовой кладки видны в подпорной стене сада монастыря Святой Клары.

В переулке Сан-Джованни, в косяке двери близ №6, вмурован камень, на котором высечены слова B. HORTENSIA, который, кажется, принадлежал погребальному титулу (надгробию).

Дом над руинами римской постройки находится на углу улицы Сан-Марко с переулком Кавилья.

В соседнем монастыре Тринита, в той части, которая когда-то была монастырем Санта-Катерина, был найден древний колодец красивой постройки. Так пишет Фаббрини в выпуске 24 своих «Смесей».

Согласно тому, что утверждается в I томе «Notti Coritane», при раскопках в 1721 году под церковью Сан-Бенедетто были найдены фундаменты древней башни.

Церковь Санта-Мария Нуова основана там, где находилась этрусская гробница. При рытье фундамента было найдено много древних предметов, ныне уже утраченных.

Многие другие остатки этруских или римских сооружений существуют, вероятно, но полностью покрыты новыми

постройками.

О древностях, существующих на территории вокруг Кортонь, я расскажу впоследствии. Многие из них ныне уже исчезли.

Не стану описывать подробно все этрусско-римские предметы, собранные в музее Кортонской академии, потому что моя задача — не составлять путеводитель-описание. Напомню лишь о самых важных вещах, среди которых первенствует картина, выполненная в технике энкаустики, греческого стиля, изображающая музу Полимнию. Она была найдена в 1732 году на участке Томмази крестьянами, которые сначала приняли ее за мадонну; затем, по чужому совету, отпилили верхние углы и использовали ее, чтобы закрыть окошко печи. Так, по крайней мере, рассказывают.

Знаменитый канделябр (лампадарий), найденный 30 августа 1840 года в поле виллы Фратта, принадлежавшей Бартолоцци-Томмази, является одной из редчайших и лучше всего сохранившихся реликвий этрусского искусства. Он отлит из бронзы превосходного сплава, массивен и весит около 58 кг. Первоначально он должен был висеть в центре гробницы, и потому он вогнут в верхней части, которая наполнялась маслом или жиром.

Он круглый и имеет диаметр шестьдесят сантиметров. По всему кругу расположены шестнадцать носиков, в которых было столько же фитилей. Каждый носик чередуется с головой, примерно похожей на те, которыми изображают сати-

ров или бога Пана. Под каждым фитилем проходит ряд чередующихся фигур, которые, кажется, изображают гарпию и обнаженного итифаллического силена, играющего на волынке. Следует пояс орнаментов с несколькими рыбами; затем переплетающийся ряд борющихся зверей. А в центре — устрашающая женская голова, показывающая страшные зубы и высунутый язык. Из верхней десны спускаются два безобразных клыка, входящих в нижнюю челюсть.

Многим показалось, что это изображение представляет некое идеальное, почти иероглифическое понятие. Я же полагаю, что скульптор, за исключением изображения гарпий и силенов, которые намекают на погребальный обряд, не намеревался развивать какую-либо непрерывную мысль, а повторял обычные условные иератические узоры. Центральная голова, которую некоторые называют горгоной (возможно, неизвестной этрускам!), может быть Лалой или Ласной, то есть этрусской Дианой, или Луной как символом смерти: ибо Персефона, похищенная Плутоном, была Луной, рассматриваемой еще как подземное божество. Несколько похожее изображение встречается на некоторых патерах из Кьюзи.

Надпись этрусскими буквами, над которой филологи и глоттологи тщетно ломают голову, гласит:

THAPNA: LUSNI

INSCUIL: ATHLIC

SALTHN

Так прочли Гори, Фаббretti, Чезен, Деннис и другие, и так

написано ясно, разумеется, при чтении справа налево.

Однако буква L изображена перевернутой V, то есть согласно греческому алфавиту, в словах Lusni и Athlic. Это обстоятельство побудило Тарквини читать G вместо L и изменить графическую пунктуацию, истолковывая всю надпись в смысле лирической строфы, почти библейской.

Буквы G не существовало в этруском, и из формы, приданной букве L, я был бы склонен думать, что лампедарий относится к эпохе, когда греческое искусство уже породнилось с этруским. Но, как я скажу далее, более вероятно также, что A — это умбрийская M.

Что касается истолкования, я не считаю приемлемыми трансцендентальные лирические концепции. Ливерани хочет читать надпись так: «Taphna — Vusni — Tinscuil — Athnis — Salthan» и переводит: «Тафна Велусни при священной роще литейная мастерская Анселия из Фортивеккьо». Ни больше ни меньше как фабричная марка, чьи сокращения дали бы фору стенографии!

Ученый Аграманте Лорини в своем эрудированном описании полагает, что все погребальное изображение относится к подземному Вакху, и Вакх представлен в горгонской голове. Я не верю, что Вакх здесь при чем, потому что Тиния был этруским Юпитером, скорее чем Вакхом; да и этруски не питали такого культа к Вакху как богу умерших. Что касается надписи, он ее не дешифрует; но читает TINSCVIL, тогда как в точном рисунке, который он сам приводит в дис-

сертации, написано INSCVIL.

Он считает, что табличка (довольно грубой работы) была прикреплена спустя некоторое время после отливки лампадария на месте другой, сломавшейся или утерянной, и приводит веские доводы.

Есть также и те, кто видит в этой надписи только женские имена. И потому читают: Тафания, или Танния Лускиния Тиниола (то есть уменьшительное от Тиния) Салтиния! А слово ATHLIC (или ATHMIC) опускают, не зная, как его объяснить.

Кампанари же (и этого достаточно, чтобы дать представление о трудностях, которые представляет интерпретация этрусских знаков) полагает, что надпись гласит: «Таппония Лигиния Тинеквилла, дочь Азии». Ни больше ни меньше! И чтобы так прочесть, он добавляет знаки, которых нет, и опускает те, которые очевидно есть.

Но я думаю, что обсуждаемая табличка не может содержать личную эпитафию. Надо помнить, что она была прикреплена к внутренней части лампадария, то есть там, где ее могли видеть только те, кто наливал масло или жир в полость, чтобы питать фитили. Поэтому вне критического разума предполагать, что там находилась погребальная эпитафия. Там могло быть имя человека, сделавшего дар, или, еще лучше, молитва за умерших. Среди стольких ученых и столь феноменального разногласия я — ценой того, чтобы показаться дерзким — добавлю также и мое скромное истолко-

вание. Как я говорил в другом месте этого сочинения, этрусский дал начало латыни и греческому, или, по крайней мере, имел с ними одно происхождение. Теперь у нас есть в греческом Thanatos (лат. damnatos) — «мертвые, убитые»; Lusanios — «освобождающий от скорбей»; Koili — «пещера, грот» (этриск. cuil, потому что у них не было o); Athlios — «несчастный, жалкий»; salto или psalto — будь то греческий или латинский корень, он дает идею музыки или погребального танца.

В сущности, мне это кажется одной из обычных погребальных надписей, в которой намекается на умерших, которые, «освободившись от скорбей, покоятся в гробницах, где всякий несчастный покоится, утешаемый погребальными обрядами». Но перейдем к другой гипотезе, более вероятной: что знак А является М умбрского алфавита. Не нужно много доводов, чтобы показать, что территория Кортон была этнически скорее умбрской, чем этрусской. И этрусских надписей с А вместо М Фаббрети приводит немалое число. Табличка гласила бы тогда:

TAPNA: MVSNI

INSCVIL: ATHMIC

SALTHN

MVSNI, которое Фаббрети сомневается, является ли корнем латинского «Musinor», по моему мнению, есть то же слово, что греческое MYSOS — «жертвоприношение подземным богам». ATHMIC, согласно тому же Фаббрети и Кам-

панари, было бы сокращением от АТНVMIC и означало бы «жертвоприношение, или жертвы, или искупленные молитвами». Таким образом, получился бы следующий смысл:

«Для обреченных (мертвых, убитых), принесенных в жертву подземным богам, покоящихся в пещере (гробнице, могиле), — искупительные молитвы и псалмодии (погребальные песни и пляски)».

В том же музее особенно примечательны: Юпитер Громовержец — маленькая редкая бронзовая статуэтка, маленький Геркулес также из бронзы и бронзовый замок своеобразной цилиндрической формы.

Также следует обратить внимание на несколько бронзовых дискоболов, некоторые из которых имеют особенность: они левши, то есть держат диск в левой руке. Достойны изучения также две двусторонние бронзовые статуэтки с этрусской надписью на бедре. Они были найдены в 1847 году при раскопках для расширения скотного рынка. Каноник Аграманте Лорини опубликовал их ученое описание, из которого следует, что это были две вотивные статуи, державшие в руке приношение, обозначенное словом TVRCE, читаемым в надписи на бедре каждой статуи. Но странно, что Лорини для объяснения слова TVRCE сделал, как и другие филологи, столько гипотез, в то время как у него под рукой было почти достоверное объяснение.

Turce — это этруское слово, от которого происходят латинские torreo (сжигать), torris (головня), torques (извили-

стый, скрученный); следовательно, Turse — это нынешняя torcia (факел) или votивная свеча, которая и сегодня в религиозном обряде используется по традиции, дошедшей к нам от этрусского обычая (а не как память о катакомбах или по другой подобной причине, придуманной некоторыми). Слова ALPAN TVRCE означают, по моему мнению, «свеча из белого воска»; и обе статуи держали каждый по маленькой свече перед изображением бога или богини. Не знаю, почему в музее эти две статуэтки фигурируют, напротив, с копьем в руке.

Фаббretti в Corpus inscriptionum приводит обе надписи, описанные Лорини; но интерпретирует их иначе, следуя мнению других этрускологов. Слово CVLPIANSI, которое Лорини производит от CVLPA, по Фаббretti означало бы «dedit»; TVRCE затем будто бы имеет отношение к греческому Etoreuse! Эти удивительные расхождения позволяют и мне высказать свое скромное мнение без страха быть отправленным на позорный столб.

В том же музее можно видеть также бронзовую статуэтку высотой восемь сантиметров, найденную в двух милях от Кастильон-Фьорентино, изображающую мальчика (или девочку), одетого в своего рода рубашку без рукавов, обутого в сапожки и держащего в руке мяч. На спине вырезана этрусская надпись, которая читается так:

LARTHIA APEINEI FLERES
PUAMPRN ML PURCE

Четвертое и пятое слова остаются необъясненными. Остальные, кажется, указывают на приношение, сделанное по обету Ларцией Апинией. И здесь уместно заметить, что *purse*, а не *turse*, действительно означает «приносит в дар, протягивает». И это происхождение латинских слов *roggicio* и *porrigo*. В четвертом слове, возможно, содержится корень латинского *paer* или *puella* («девочка»)?

Все этрусские надписи Кортонского музея переписаны в *Corpus inscriptionum* Фаббreti, который также указывает на некоторые из них как на явные подделки археолога Колтеллини, жившего в прошлом веке.

Из этрусских надгробных камней и урн, найденных на кортонской территории, многие эмигрировали далеко; так, девять или десять находятся в Лейденском музее, одна — в музее Вольтерры, одна — во Флорентийском музее. Среди тех, что в Лейдене, находится большая каменная плита, найденная в Кампаччо на участке Орселли.

В Кортонском музее заслуживают внимания также несколько этрусских монет (некоторые, возможно, кортонские), собранные в небольшом медальере.

На лестнице, ведущей в музей, можно увидеть: маленькую надгробную плиту Федерико, герцога Урбинского; остаток скульптуры из старой церкви Сан-Винченцо, о которой я расскажу в особой главе; и надгробный камень римской эпохи, о котором скажу два слова.

Это широкая плита из грубого камня, которая, должно

быть, была фасадом саркофага. Внутри рамы находятся пять поясных фигур почти в натуральную величину (ныне сильно разрушенных). На верхней и нижней рамке идет следующая надпись довольно старинными буквами:

C. VETTIO P. F. FAL. AED. EX. TEST. VETTIA. C. F. F.
MVNNIA P. F. VXSOR. P. VETTIVS C. F. F. VETTIV..

Не хватает последних букв, которые, однако, по свободному пространству можно определить, что они могли быть не иначе как S или, возможно, начальной буквой посвящения.

Эта реликвия была найдена в начале XVIII века в Паникале, и, следовательно, Веттий должно быть был эдилом в этрусском городе близ Паникале. Надпись квалифицирует его как фалерца (Falerinus), что показало бы, что речь идет о семье из тосканской Фалерии, а не, как полагают другие, из Кампании.

Существует также погребальная урна в форме хижины из тевертинского камня, на которой написано этрускими буквами: ARNO (знак O был бы придыхательным T) VETIV LARTISAL.

Можно поэтому предположить, что семья Веттиев, упоминаемая некоторыми латинскими писателями, включая Цицерона, и известная среди археологов по знаменитому дому в Помпеях, была этрусской.

Вермильони приводит также следующую фабричную марку, оттиснутую на нескольких лампадах:

EX. OFF. P. VETTI

AD. PORT TRIG

и внизу: два сражающихся гладиатора.

Эта мастерская, должно быть, была очень известной; и было бы невероятно, чтобы от этой марки получили название «веттине» в Тоскане и особенно во Флоренции те вазы, которые в других местах называются «олле», а в провинции Ареццо — «зири» (слово абсолютно этруское).

В соборе Дуомо следует посмотреть в левом боковом нефе древний саркофаг, украшенный прекраснейшими барельефами. Традиция гласит, что он был найден в 1240 году на поле, прилегающем к собору, которое получило название «поле чудес». И поскольку существует также предание, что там хранилось тело Блаженного Гвидо Ваньоттелли, жившего во времена св. Франциска Ассизского, находка должна быть очень древней. Но тело Блаженного Гвидо не может там больше находиться, поскольку оно исчезло во время войн с аретинцами, и говорили, что оно было похищено в Германию. Только голова, которую ризничий бросил в колодец, была позднее найдена.

Саркофаг из белого мрамора. Барельефы — тончайшей работы; они несколько повреждены и испорчены в нижней части. Когда я впервые его увидел, я полагал, что центральный барельеф изображает битву кентавров с лапифами. Но,

имея возможность лучше рассмотреть его вблизи, я изменил свое мнение. И думаю, что Андреа Маффеи справедливо определил его как битву Вакха.

Правда, в античной мифологии колесницу Вакха никогда не везли кентавры, а пантеры. Кентавры были сыновьями Иксиона и родились после того, как подвиги Вакха были уже совершены. К тому же, Centauri означает просто «погонщики быков» и были не кем иным, как скотоводами, разводившими быков и лошадей, подобно пастухам-бутерам Римской Кампании.

Но в эпоху, когда был высечен саркофаг, в мифологическую традицию уже проникло много капризных вариантов. Фигур на барельефе — 17. На передней стороне видны: две фигуры на биге, то есть юноша и крылатая женщина (Виктория); два бородатых кентавра, запряженных в бигу, держащие в одной руке инструмент, похожий на зеркало с ручкой; две фигуры верхом, из которых одна бородата, а другая — женщина в шлеме, в позе сражающейся; пять пеших воинов, двое лежащих на земле. На каждой из боковых сторон — по две фигуры пеших воинов. Возле биги, как украшение угла, — коза, обгладывающая виноградный лист (эмблема Вакха).

Все фигуры сражающихся обращены против колесницы и кентавров, и среди них у одной уши сатира, а у другой — ноги и лицо фавна. Что все это означает? Поход Вакха в Индию и против амазонок? Трудно дать точное суждение.

Гори, описывая этот саркофаг, соединяет вместе оба ми-

фа и делает из него битву кентавров и лапифов с участием Вакха и амазонок. Что совершенно недопустимо.

Верхняя рама саркофага, кажется, другой руки. Определенно, она не имеет отношения к битве, но связана с умершим человеком, для которого был предназначен саркофаг. По сторонам медальона почти одинаково повторяется одна и та же идея: сидящий на земле человек со связанными за спиной руками и сидящая напротив женщина в скорбной позе. Между двумя фигурами — трофей из оружия с военной туникой. Все это — эмблема военного триумфа, и она чисто римская; и по совокупности я бы судил, что саркофаг хотя и выполнен греческим резцом, но сделан не ранее Флавиев и не позднее Траяна.

Осталось бы исследовать, кому служил или должен был служить этот саркофаг, размеры которого немного превышают обычные. Автор заметки, помещенной в томе 474 Рукописей Кортонской библиотеки, предполагает, что это была гробница Элия Коммода, императора. Не знаю, откуда взялась эта мысль. Прежде всего, Коммод не был Элием; Элием звали его преемника Пертинакса, который взошел на трон уже стариком. Во-вторых, Коммод, как раз наоборот, не был погребен. Медальон в середине крышки, безусловно, изображает того человека, чьи кости должны были там быть положены. А это — изображение молодого человека с женственными чертами. У Коммода был очень характерный заостренный нос, совершенно не похожий на медальон саркофага.

Некто предположил, что это гробница консула Фламиния, убитого карфагенянами в знаменитой битве при Тразименском озере. Чтобы показать, что это недопустимо, достаточно напомнить, что битва произошла в 217 г. до Р. Х., когда римляне еще не ходили грабить мраморы Греции и ни один римский или этрусский художник не высекал в такой манере.

Голова, высеченная в медальоне, безбородая и гладкая, подбородок округлый, шея пухленькая. Густые волнистые волосы закрывают уши и разделены посередине. Как это может быть изображением воина или императора? Скорее, если здесь и есть какое-то сходство, то с Фаустиной, сестрой Коммода, или с Криспиной, его женой.

О других этрусско-кортонских древностях существуют краткие и скудные сведения.

В 1568 году близ Камучи была найдена гробница, внутри которой находилось двенадцать стеклянных ампул, наполненных затвердевшей жидкостью, и тело гигантского роста.

Древности были обнаружены в XVII веке при рытье фундамента дома Ристори близ Руга-пьяна.

В 1579 году были найдены следы древнего храма при рытье русла реки Кьяны. На архитраве были буквы D. S. I., то есть: Deo Cranae Ianicolae. В глубочайшей древности Кьяна называлась Белланда. После смерти Краны болота, среди которых она протекала, получили имя Краны, а затем Кьяны (так гласит легенда, а не история).

В Теронтоле и Бачалле около 1640 года было найдено

много бронзовых статуэток. Неподалеку находится Кортреджо, где около 1700 года можно было видеть руины дворца, в котором, как полагали, жил Ганнибал. Там же сам Ганнибал построил три ветряные мельницы, следы которых были видны в конце прошлого века под названием «мукомольня». Немного поодаль, на древних стенах, был построен домик, обитаемый крестьянами, чья лоджия была еще остатком древней постройки. В начале прошлого века он принадлежал докторам Никколо и Франческо Бальделли. И сегодня еще видны некоторые остатки упомянутых зданий.

Место, где находилась лоджия, называлось (и, возможно, до сих пор называется) «дом Петто» по имени некоего Петто, который был одним из знаменитейших капитанов армии Ганнибала. Если нынешняя семья Петти — древнего кортонского корня, то было бы не неправдоподобно, что она происходит от ганнибаловского генерала.

На той же территории существовали руины древнейшего водопоя, который в 1700 году назывался Треббио и сегодня еще носит это имя.

В месте, называемом Оссая, находятся остатки стен римской постройки. Одна из них служит опорой для земель, приписанных к приходу. Другие видны на участке Панкраци. В рукописи №650 существует цветной рисунок, изображающий некоторые из этих остатков такими, какими их видели в XVIII веке.

«В месте, называемом Пьерле, была найдена прекрасней-

шая статуя Сципиона Африканского, которая была перевезена в галерею Флоренции». Так пишет Тартальини. Я, однако, во флорентийских галереях не припоминаю, чтобы видел эту статую, но зато — чудесную статую лукумона Метелла, найденную близ Перго. Есть, напротив, бюст Сципиона; и если Тартальини намекает на него, тогда следует понимать, что это была не этрусская работа, а римская, привезенная туда из Рима какой-либо семьей, воздвигнувшей виллу в Пьерле. Мы знаем, например, что папа Лев получил в дар виллу Пьерле.

В древней крепости Пьерле в XVI веке можно было видеть надпись о Марке Сертории (которого Тартальини называет римским сенатором), сражавшемся против Ганнибала. В следующем веке плита была найдена в соседней церкви, где служила алтарным камнем. А сегодня она находится в ризнице.

В той же долине Пьерле, согласно тому, что сказано в «Notti Coritane», была найдена надпись, упоминавшая Квинта Иллиция Альбия, военного трибуна при Траяне. Эта надпись была утеряна.

Другая надпись, упоминающая Метеллия, квадрумвира Стеллатинской трибы, была найдена в XVII веке на кортонской земле. Надпись в память о Каллии из Аримина, высеченная на мраморе заботой его жены Марции и сына Каллия Криспина, существует в церкви Сан-Микеле-дель-Казале на кортонской горе. Этот Каллий был не из Кортонь, но,

возможно, переселился туда из Аримина (Римини) и там же-
нился.

Имена некоторых других кортонцев римской эпохи имеются на различных плитах, найденных там и сям. Так, о некоем Тутилии Остилиане, философе-стоике, родом из Кортонны, есть память на плите, которую, по словам Фаббрини, ныне не находится в Капитолийском музее в Риме, а ранее была в церкви Святых Петра и Марцеллина (в конце улицы Лабикана близ Сан-Джованни-ин-Латерано) в Риме; о Тиции Целере есть память на плите в Монтепульчано; не говоря о других. В Кортонском музее имеются копии вышеупомянутых латинских надписей.

Этруская надпись, высеченная на песчаниковой плите, была недавно открыта в хлеву одного участка господ Фьерли близ Фояно. Она была исследована профессорами Ногарой и Гамуррини; я еще не имел случая ее видеть и не мог бы сказать, каково ее содержание.

Этрусский некрополь был открыт в прошлом веке в Канталене. Его руины существуют.

Древние гробницы были также найдены в Печано в 1754 году. Они были описаны в «Notti Coritane».

В 1899 году при раскопках вдоль некоторых загонов, засаженных старыми оливковыми деревьями, на маленьком участке на склоне горы немного выше монастыря контесс (ныне — отцов-редемптористов), принадлежащем некоему Джузеппе Музотти, обнажился ряд древних захоронений,

грубо сделанных из неправильных плит, без каких-либо следов скульптуры или графических знаков. Там были найдены остатки патер, глиняных сосудов бедной выделки и много костей с несколькими черепами и одной нижней челюстью со всеми зубами, которая своей выдвинутостью вперед напоминает тип доисторического человека. Судя по этим остаткам, речь идет о людях древней умбро-финской расы. Там, вероятно, находились некрополи крестьян-земледельцев какого-то пага, охватывавшего окрестную территорию.

Ценные музеи кортонских древностей существовали в конце прошлого века у семей Манчини, Бони, Панкраци, Кораци и Венути. Сколько осталось сегодня от этих коллекций — не знаю.

В 1750 году в Риме Фаусто Амадеи был напечатан том в лист под названием «Museo Cortonese illustrato con note da Francesco Valesio romano, Antonio Francesco Gori fiorentino e Rodolfino Venuti cortonese» («Кортонский музей, иллюстрированный примечаниями римлянина Франческо Валецио, флорентийца Антонио Франческо Гори и кортонца Родольфино Венути»). Книга написана по-латыни и описывает, иллюстрируя гравюрами, предметы, существовавшие тогда в музее академии и в музеях некоторых семей.

В музее Кораци были примечательны: этрусский женский идол с тутулом; этрусская Юнона; неизвестная богиня, обнимающая двух чудовищ с клювом сокола и телом змеи; и этрусский воин с ногой, покрытой надписью. Последний

интересен для изучения языка, поскольку выходит за пределы ограниченного числа слов, которые всегда встречаются в гробницах.

В музее Ветути было очень много интересных вещей, среди прочих: Дракон или Гриф с надписью TINSCVIV или, скорее, TINSCVIL, которая немного напоминает одно из слов с таблички лампедария и, по моему мнению, означает «Тиния, то есть Юпитер, CVIL или CVIV», то есть «Юпитер пещер или гробниц»; урна с надписью Antakn или Antakil, которая могла бы означать «сражение» или «сражающийся»; сердолик с изображением мимических танцоров в лодочке — произведение большой редкости.

10. Происхождение названия Кортоны и названий многих местностей на ее территории

Начну, прежде всего, с самого названия Кортоны. Я уже говорил, что город в глубочайшей древности назывался Туррена (имя, данное умбро-финнами), затем Корито (имя, данное расенами-япетидами), затем Коритона и Кортонна. Пеласги — которые, по моему мнению, пришли после расенов и тирренов, а не до них, как полагают другие, в том числе Альтикоцци, — не давали нового имени. И в самом деле, Корито и Коритона — не пеласгические слова в том смысле, какой придают этому слову сегодня. Допустим даже, что между пеласгами и расенами существовало древнее племенное родство; но они шли своим путем, не смешиваясь.

Таково происхождение, признаваемое наиболее достоверными источниками. Но есть и те, кто думает иначе. Так, согласно некоторым авторам, цитируемым Альтикоцци (рукопись 424 Кортонской библиотеки), Кортонна происходит от греческого *Koryto*, еврейского *Kurto* или *Korto*, что означает «город».

Отсюда Коритона и затем Кортонна. Но прежде всего, по-гречески есть *kore* — «девушка», *koris* — «клоп», *korys* — «шлем», *kouros* — «юноша», *kyriotis* — «господство».

Все эти слова не имеют никакого отношения к Корито, хотя некоторые из них, возможно, имеют этрусское происхождение и связаны с *curies*, *curia* и *curis*. Нелогично предполагать, что древние этруски пошли искать себе имя в языке народа, который был им неизвестен и обладал менее развитой цивилизацией; и вдобавок имя, представляющее собой идеологию. Названия древних городов имели положительное историческое происхождение и значение. По тем же причинам гоняться за еврейскими словами — это заблуждение.

Ливерани был убежден, что Кортонa — слово этрусское, но утверждал, что оно происходит от *Curies-Tolena*, а затем *Cur-tolena* и затем *Cur-tona*. Это усилие воображения — и не более.

Ридольфино Венути хотел бы, чтобы она в древности называлась Котилия или Котила, основанная Котисом, сыном Мана. Это академическая гипотеза, которая устраняет фундаментальное «r».

И я заключаю:

Янус Корито (то есть снабженный копьем и шлемом) дал имя городу.

Перейдем к Камуче. Я объясняю это имя, производя его от *Sam*, *Camellus*, *Samus*, то есть «место, где обитала корпорация погонщиков мулов и носильщиков», которые доставляли в Кортону товары, прибывающие на повозках или иным способом, разгружавшиеся у подножия крутого подъема. Ибо корень *Sam* означает «нести на плечах, перевозить

на спине четвероногого» и, возможно, происходит от слова, которым арийская или япетическая раса обозначала потомков Хама, обращенных в рабство и занятых на работах по переноске тяжестей (см. египетские памятники). *Samus* поллатыни означает «узда» или «недоуздок», а *camallo* на лигурийском диалекте — «носильщик».

То же происхождение имеют *Samullia* (ворота Камуллия в Сиене), *Samogli*, *Camarda*, причем последнее слово является также фамилией многих семей в некоторых южных провинциях. Колтеллини (рукопись 224 Кортонской библиотеки) предполагает, что оно происходит от *Casa Mucút*, то есть от дома или земель некоего Муция, о котором, однако, нет ни малейших сведений. Я же замечая, прежде всего, что имя Камучи — древнейшее, тогда как употребление слова «*casa*» (дом) в публичных названиях не предшествует Средним векам.

Во-вторых, почему именно здесь возникла такая форма имени, а не в других местах территории? И как могла исчезнуть всякая память о том, кто именно дал начало названию? Все это побуждает отвергнуть предложенное объяснение, которое, к тому же, не имеет подтверждения и в традиции.

Я не отрицаю, что в Средние века на кортонской территории существовала семья Муция. Эта фамилия встречается в некоторых документах; но это было искажением латинского имени *Mutius* и *Mutia*, и произносилось оно не как «Муция». Между тем, постоянный закон филологии учит, что ника-

кое простонародное искажение не может превратить Мусіа в Мусіа. И потому если бы происхождение было таким, как предполагает Колтеллини, название было бы Камуция или Камутия, или, в просторечии, Камуция.

Есть и такие, кто предполагает, что Камуча является искажением Камесия и происходит от имени Камесы, которая — согласно древней мифологии — была женой Януса, первого царя Кортонь. Название, таким образом, восходило бы ко временам ноахидов, почти что к потопу. Но это академическая археология и не более.

Зато Ринальдо Бальделли вполне разумно полагает, что Казентино происходит от Камесентино.

Одно происхождение названия Камуча, которое я не могу удержаться, чтобы не назвать шутовским, — это то, которое я слышал в рассказах. А именно, Камуча была бы сокращением от «*casa di Monna Lucia*» (дом госпожи Лучии). Если предположение Колтеллини имеет видимость рациональности, то это последнее не могло быть иным, как порождением академика в хорошем настроении.

Названия многих местностей вокруг Кортонь имеют древнейшее происхождение, основанное на исторических событиях. Ужасная битва при Тразименском озере, в которой тринадцать тысяч римлян были убиты и десять тысяч рассеялись, оставила вечную память. Она произошла 23 июня 217 года до Рождества Христова, то есть две тысячи сто семнадцать лет назад. Злосчастный римский генерал, консул

Гай Фламиний, там погиб. И вот: мы до сих пор имеем названия Оссая, Санджинето, Чези-Сепольталья, Фонте д'Аннибале, Пьерле, Туоро и другие.

Оссая. Колтеллини считает наваждением возводить происхождение этого названия к битве при Тразименском озере и утверждает, что средневековое название *Orsaia* является более правильным. Он приводит в связи с этим печать, упоминаемую в сочинении ранее 1300 года, где сказано о *presbiteri Guidonis de Ursaria*. На этой печати изображен храм в верхней части, медведь в середине и дерево внизу.

И это хорошо. Допустим даже, что в поздние времена уже говорили по искажению *Ursaria*. Герб вовсе не доказывает подлинности или древности названия; но только то, что на основе названия, бывшего тогда в употреблении, был, как естественно, составлен герб.

И в самом деле, почему *Ursaria*? Где там были медведи? Где есть память, что они там водились? Медведи вокруг Кортонь и Тразименского озера? Волки — куда ни шло, но медведей — никогда.

Название могло бы быть отчасти правдоподобным, если бы существовали доказательства, что знаменитый римский род Урсиниев владел виллами или землями в тех местах. Но вместо этого нет ни малейшего указания. И в любом случае название было бы *Ursinianum* или *Ursinium*, а не *Ursaria*, которое означает именно «медвежье логово».

Кто-нибудь мог бы заметить, что в Кортоне был древний

род Орселли и что Орсая может иметь то же происхождение. Это предположение несостоятельно, прежде всего, потому что Орселли, как полагают, происходят из Форли; во-вторых, потому что фамилия происходит от крестильного имени Ursellus, которым прославился некий предок, и от этого имени семья в XII веке получила свою фамилию. А это имя Ursellus, как и многие подобные, указывало бы на иностранное происхождение корня.

Древнее название, следовательно, должно было быть Оссария, то есть места, где были погребены кости большей части убитых, чьи тела не были оставлены на месте битвы. Автор рукописи 423 Кортонской библиотеки, цитируя историю Перуджи Помпео Пеллини, говорит даже, что римляне построили там храм в честь Фортуны, чтобы умилистить ее после поражения при Тразимене. И в IX томе «Notti Coritane» (лист 153) действительно сказано, что еще в середине прошлого века в вилле Оссая была видна стена с пилястрами из бетона и римской кладки reticulate. Впрочем, opus reticulatum было бы позднее эпохи консула Фламиния.

Этруски, особенно сельские, еще имели свою собственную манеру говорить, хотя и смешанную с латынью, и продолжали произносить «а» вместо «о», как и сегодня крестьяне во многих словах. Поэтому они говорили Уссария, Уссая, откуда в поздние средние века возникло искажение Урсария, когда память о происхождении померкла. Но народ в традиции, подкреплённой непрерывными находками костей,

продолжал говорить, что там было большое количество убитых на войне. Впрочем, если нужно другое доказательство, то оно выводится из того факта, что в древних документах Благородного дома Панкраци иногда встречается написание Orsaia, но чаще Ossaia, и в одном из них упоминается «вся вещь Оссерии Орсаи и несколько арендных плат той же Оссерии». Не является ли эта часть, называемая Оссерия, очевидным доказательством того, что место, частью которого она была, изначально называлось Оссая?

Ливерани, который был немного экстравагантен в некоторых своих ученых заявлениях, утверждал, что Оссая является искажением Усаес — имени, которое, по его словам, эта местность носила уже до битвы при Тразимене и которое он читал в Эвгубинских таблицах. Но допустим даже, что утверждение Ливерани верно, — действительно ли Эвгубинские таблицы относятся ко времени до Ганнибала? И в любом случае, что означало Usaes и с помощью каких аргументов можно доказать, что таблицы намекают на Оссаю?

В церкви Св. Власия и Христофора в Оссае до сих пор можно прочесть два древних латинских стиха, цитируемых Тартальيني, которые гласят так:

Nomen habet locus hic Ossaria ab ossibus illis.

Quas dolus Annibalis fudit et hasta simul².

Сепольталья (Sepoltaglia). Она имеет те же исторические

² лат. — Это место носит имя Оссария от тех костей, которые пролили коварство Ганнибала и копье вместе

истоки, что и Оссая. Но Колтеллини, основываясь на том, что в поздние времена всегда говорили и писали *Spoltallia*, называет производное от «погребенных» фантастическим. И что значит *spolt-allia*? Недостаточно остановиться на чисто графическом изучении. Нужно изучать логические причины. Между тем, *spolt-allia* не означает ничего и не имеет никакого объяснения. Напротив, совершенно ясно, что согласно этрусскому обычаю опускать гласные, *Spoltaglia* была не чем иным, как видоизменением *Sepoltalia*. Кавалер П. Каппанелли (Аграрная монография Кортонь) указывает на вероятность того, что *Spoltaglia* произошло от *speltaglia*, потому что на том холме возделывали полбу-однозернянку (*triticum monosocsum*). И это производное неприемлемо, потому что ни в одном документе не встречается предполагаемого древнего названия *speltaglia*, и необъяснимо с точки зрения глоттологии изменение «е» на «о» без какой-либо причины. Наконец, заметим, что в той местности мы имеем целый ряд названий, которые явно намекают на великое избиение римлян. Это — непрерывная страница традиций. В таких вопросах фольклор, то есть народные предания, стоят больше всех филологических тонкостей. И поэтому:

Перго (Pergo) — имя этруско-пеласгическое, которое находит соответствие в Пирго (близ Чивитавеккьи) и Пергаме (древняя Троя). И означает «выступающее место». То же этруское происхождение имеют слова *pergere* (простира́ться вперед) и *pergola* (пергола); и сегодня еще по той же фи-

логической причине на классическом языке пергамом называют амвон.

Чези (Cesi) — от *caedes* (резня) — память о битве при Тразимене между римлянами и карфагенянами.

Санджинето (Sanguineto) — то же происхождение, что и Чези. Дель Корто (История Валь-ди-Кьяны) цитирует мнение некоторых, что Санджинето получило имя от кровавой битвы, произошедшей в 82 году до Р. Х. между легионами молодого Помпея и войсками партии Суллы.

Ту же самую этимологию, полагаю, имеет и название Суперга (знаменитый холм близ Турина, где возвышается базилика с гробницами Савойского дома), а не от «*super terga montium*», что было бы слишком натянутым и академическим объяснением.

Пьяццано (Plateanum) — большое пространство, полное вооруженных людей. Есть и те, кто предполагает, что оно происходит от *Placianis* — греко-пеласгических народов, вторгшихся в Этрурию; но это фантазии.

Пьерле (Pierle) — искажение латинского *praelium* (битва).

Туоро (Tuoro) — от латинского *tueor* и *tuor* («место, за которым наблюдают или которое охраняют»); или также «место наблюдения, сторожевая башня» от латинского и, возможно, этрусского *tuor* — «взгляд».

Фонте д'Аннибале — расположен между Монте-Сорбено и Монте-Кастеллуччо.

Теронтола (Terontola) — *Turrentula*, маленькая стороже-

вая башня. Другие хотят видеть в нем Terra uncta, что неприемлемо.

А теперь перейдем к некоторым другим названиям.

Торния (Tornia) происходит от Турния (место, укрепленное башнями); и считается, что это был первый prorignasulum (опорный пункт), построенный основателями Туррены, которая затем назвалась Кортоной.

Руффиньяно (Ruffignano) — вилла семьи Руфиниев, которая ведет свое имя от Rufus, указывающего на светлый цвет волос. А Руфино было именем первого генерала Алариха, короля готов, разорившего Кортону.

Фарнета (Farneta) — от Farnus, вид дуба.

Печано (Peciano) — от piceanum, то есть «место, поросшее соснами». Другие полагают Aricianum, а третьи — что это искажение Placianum; и это фантазии.

Теконьяно (Tescignano) — участок или вилла семьи Тикониев. Некоторые утверждали, что это сокращение от «Teso ogni anno» (с тобой каждый год), потому что в прошлом веке в хорошее время года там ежегодно собирались несколько дворян для развлечения. Это объяснение не имеет правдоподобия, в том числе и потому, что дает названию недавнее и академическое происхождение, и заставляет допустить орфографическое искажение, недопустимое среди тосканцев, а именно произносить «ано» вместо «анно». На карте Географического института написано Tegognano. Я сомневаюсь, не является ли это ошибкой; но если бы это было истинным

написанием названия, то оно могло бы происходить от tego, что значит «покрывать, защищать, оборонять»; и смысл был бы таков: огороженный или укрепленный участок.

Метеллиано (Metelliano) — то есть участок или вилла семьи Метеллиев; и тому подтверждением служит тот факт, что неподалеку была найдена изумительная статуя, которую ныне можно видеть в галерее Уффици во Флоренции. Она в этрусском стиле, и на краю тоги имеет этрусскую надпись, в которой несомненно читается имя Метелла или Метеллина. На новейшей карте Географического института название местности неправильно написано Митильяно.

Модена (Modena) — (ранее замок Бальдаккини) от Mutina; возможно, в производное от бога Мутина. То же происхождение, что и у города Модены, который был этрусского основания.

Вальяно (Valiano) — Vallis Iani, то есть «долина Януса». И это древнейшее наименование было бы доказательством в пользу традиции, делающей Януса первым основателем этрусско-разенского народа. Некоторые полагают, что это velianum. Я не разделяю этого мнения.

Фояно (Foiano) — Forum Iani; имеет то же происхождение, что и Вальяно; и это доказывает, что Янус не был мифом. Тот, кто производит его от Florianum, фантазирует.

Чиньяно (Cignano) — Cilnium; участок семьи Цильниев.

Монсильоло (Monsigliolo) — искажение от Musiliolo, то

есть место, принадлежащее семье Мусилиев или Мусолиев; так Колтеллини. Но я говорю, что это просто Монте-Чильоло (Monte Cigliolo) и имеет то же значение, что и Чельоло.

Чельоло (Cegliolo) — Колтеллини производит его от этрусского KILIV (Ciliu), что возвращает нас к уже указанному мною происхождению — «бровка горы». Ринальдо Сернини хотел бы, чтобы оно происходило от Цилия, римского трибуна, который возглавлял колонию. Это фантазия: в том числе и потому, что согласно филологическим правилам следовало бы быть Cilianum, а не Cegliolo.

Фальцано (Falzano) — Колтеллини производит его от рода Фальтониюв. Более естественно могло бы произойти от Falcianum (от соколов).

Кастель-Джирарди (Castel Girardi) или Джиларди — в действительности это Кастель-Герарди, о котором уже не осталось никаких следов.

Манцано (Manzano) — от рода Мактианов по Колтеллини; а почему бы не от Manteum, то есть «место, где был оракул»?

Чентоя (Centoia) — Centuria, место, где находилась римская центурия.

Канталена (Cantalena) — Campus Allieni или Tallieni.

Кампаччо (Campaccio) — «Поле Паччо». Однако следовало бы посмотреть, существовал ли этот Паччо или семья Пачча; потому что это может быть также уничижительное от «сампро», то есть «невозделанное поле» или «поле с плохим доходом», как мы говорим postaccio (скверное ме-

сто), *stradaccia* (скверная дорога), *ortaccio* (скверный огород), *maraccio* (болото) и т. п.

Салькотто (*Salcotto*) — от *salicetum*, *salcotto*, то есть земля, покрытая ивами.

Тразимено (*Trasimeno*) — имя, данное озеру в честь Тразимена, сына Туррена, основателя Кортонь. Тразимен женился на Арджеллине, которая принесла ему в приданое озеро.

Сан-Пьетро-а-Марцано (*San Pietro a Marzano*) — это имя, данное той части Кортонь, которая находится между Санта-Маргеритой и разрушенным монастырем Санта-Кроче. Там находилась древняя церковь (от которой не осталось ничего), которую историки, правда, называют церковью Свв. Петра и Марциала; и это, возможно, воспоминание о названии Марцано, которое было *Martianum* не от рода Марциев, как полагает Колтеллини, но потому, что там находились храм и жертвенник, посвященные Марсу для войск, которые размещались в близлежащей крепости, или *oppidum* (а не *arx*), и имели там лагерь *Castra* и форум Марса.

Патронат над этой церковью (вместе с одной религиозной конгрегацией) имели семья Де Капитани из Флоренции и семья Каттани из Кортонь. Каттани — не что иное, как сокращение от *Capitani* (*Capitanei* на варварской латыни); и это совпадение патроната двух разных семей с похожим преноменом я не считаю случайным. Это были, по моему мнению, семьи потомков капитанов, которые командовали войсками,

расквартированными на вершине Кортонь, и которые, подобно тому как до христианства имели под своей юрисдикцией храм Марса, после христианства имели под своей юрисдикцией церковь Св. Петра в Марцано, построенную, скорее всего, на руинах языческого храма.

Из того, что читается в «Notti Coritane», там же находился прекрасный колодец с водой, который не иссякал даже в самую сильную засуху. На одном из камней была высечена дата 1467 год. Сегодня невозможно найти и следа этого колодца, что кажется невероятным!

Я не буду останавливаться на названиях Торреоне (Torreone), Моская (Moscaia — Muscaria, от семьи Москари, владевшей там замком), Кальчинайо (Calcinaio — где дубили кожи), Меркатале (Mercatale), Теверина (Teverina) и других, которые сами по себе ясно заключают в себе производящий корень.

Что касается названия Валь-ди-Кьяна (Val di Chiana), то оно происходит от древней Краны. При рытье русла Кьяны в 1568 году был найден архитрав, на котором были высечены буквы D. S. I., то есть Deae Cranae Ianicolae («Богине Кране Яникуле»). Полагают, что в отдаленные времена Кьяна называлась Белленда (слово, имеющее аналогию с кельтским корнем bell-), и что Крана, дочь Януса, царя Кортонь (другие говорят, что это был мужчина), утонув в болотах, эти болота получили такое название в память о ней. Но есть и такие, кто считает все это вымыслом и утверждает, что Chiana — не

что иное, как вариант слова *riana* («равнинная»), как и сегодня произносят в южных областях Италии. По сути, хотя бы сказать, что *Chiana* имеет естественное значение «болото». Латиняне называли *Clanis* реку Кьяну, и по той же причине называли *Clanius* реку Аньо в Земле Лаворо.

Тартальини (стр. 40) говорит, что в глубокой древности Кьяна называлась также Урана (возможно, от Урана, отца Сатурна?).

Происхождение некоторых других наименований темно; так, есть мнение, что все окончания на -ано и -яно происходят от *Janum*; например, Марчано, Лучиньяно, Манцано, Пуличьяно, Чильяно, Кьянчано, Фояно и т. д. Если гипотеза правдоподобна для Фояно, у которого два начальных слога (*Forum Jani*), и для некоторых других названий, как Вальяно и Лавьяно, то она не кажется приемлемой для остальных, которые легко объясняются как *Martianum* (от Марса), *Mantianum* и так далее — от имени древних семей, подобно тому как вокруг Рима мы имеем Пальяно, Понцано, Стимильяно, Мальяно и т. п.

Сделав это предварительное замечание, скажу, что:

Данчано (*Danciano*) — предположительно, владение семьи Данчия, откуда, возможно, происходит нынешний род Данци;

Сеано (*Seano*) — *Seianum*, от Сеи, богини, которая была покровительницей зерновых, когда они находятся в земле;

Лишчано (*Lisciano*) — может происходить от *Licciam* и

Лісія; в этом последнем случае это означало бы «владение семьи Лиция». Но могло бы также произойти от *Lycinianum* — место, где изготавливали светильники, или от *Lycium* — вид самшита.

Валеккьо (*Valecchio*) — возможно, *Vallis Echijon* — от обилия кустарника, называемого *Echium*. Но может быть и искажением *Valelcio*.

Кастель-Джудео (*Castel Giudeo*, «Еврейский замок») — *Castra Iudaeorum*. Было бы полезно провести исследования по этому поводу. Но здесь, безусловно, имеется в виду место, где останавливались еврейские люди.

Валле-Даме (*Valle dame*) — по мнению некоторых, *Vallis Dianae* («долина Дианы»).

Катросса (*Catrosse*) — некоторые хотят производить от греческого *katarrhos* (орошение). Но почему? Меня это не убеждает.

Лучиньяно (*Lucignano*) — *Lycinianum*.

Лавьяно (*Laviano*) — *Livianum* (?)

Баччалла (*Baccialla*) — *Baccanalia*; от доброго вина, которое там пили.

Корчано (*Corciano*) — *Cosseianum*, владение семьи Кокцея.

Ронцано (*Ronzano*) — было бы *Aruntianum*, произведенное от Арунта, сына царя Порсены.

Фашано (*Fasciano*) — владение семьи Факция.

Глава II. Кортонa после падения Римской империи

11. Гражданское устройство до господства Казали

Хотя и известно, что Кортонa продолжала всегда оставаться населенным городом, однако можно сказать, что после вторжения готов и в течение примерно 800 лет она не имеет истории.

Полагают, что в первые века христианства, а именно с 552 года, в ней уже был епископ; но это спорно.

Мнение Мабильона (Анналы ордена св. Бенедикта), будто Кортонa оставалась скрытой до основания вплоть до 970 года, едва ли приемлемо. Надпись древней церкви Сан-Винченцо (см. главу III, №18) доказала бы обратное. Но несомненно, что отсутствуют всякие исторические документы времен ранее 1000 года. Только в 1202 году Кортонa вновь появляется в подлинных документах, из которых явствует, что у нее был подеста и она управлялась как свободная коммуна. В том году Кортонa приобрела графство Печано, а в 1212 году приобрела Чельоло, которое не было замком.

Манчини (стр. 32), цитируя рукопись 573 старшего Баль-

делли, упоминает здесь участие кортонцев в войне между Ареццо и Флоренцией в 1232 году. Они вошли в Ареццо и в знак победы унесли цепи с городских ворот, которые повесили на ворота Кортонь. Странно, что другой Бальделли [рук. 534], живший в 1745 году, отнес этот факт к 1565 году, добавив, что в его время вышеупомянутые цепи все еще были прикреплены к воротам Кортонь.

В этом начале XIII века обострились раздоры между партией гвельфов и гибеллинов. К последней, кажется, принадлежали почти все знатные семьи, судя по именам тех, кому пришлось бежать, когда гвельфы призывали аретинцев. Ибо гвельфы, как все ложные демагогии, не сумели придумать ничего лучшего, как призвать третьего господина, который пришел и сокрушил и друзей, и врагов. И это было около 1258 года.

Гибеллины уже тогда дали имя «гибеллинская» улице, которая до сих пор носит это название. Улица же Гвельфа была названа так в самое недавнее время.

Итак, аретинцы вошли ночью через гибеллинские ворота 1 февраля 1258 года и зажгли по свече у каждого ворот города (другие говорят — только у ворот Печчи Веранда, что были близ Сан-Доменико, ныне разрушенных), угрожая перерезать всех кортонцев, которые не выйдут к моменту, когда свечи догорят. Гибеллины не заставили себя упрашивать. Но аретинцы не пощадили и гвельфов и обагрили город кровью. Сернини (см. Notti C. VII-131) рассказывает, что для того,

чтобы отличить свои дома от домов гибеллинов и предотвратить их разграбление и поджог, гвельфы «закруглили их углы» (scantonassero). Трудно объяснить, как это могло произойти с домами, примыкающими друг к другу. Правда, как можно заметить и сегодня, был обычай оставлять промежуток между одним домом и другим, но этот промежуток был по большей части внутренним, и во всяком случае, если пожар начинался, «закругление углов» не спасало соседние дома.

Бальделли и другие утверждают, что при тех обстоятельствах аретинцы унесли многие документы из городского архива и большой колокол коммуны, который поместили на колокольню собора Ареццо.

Гибеллины нашли убежище в Castiglione Chiusino, ныне Кастильоне-дель-Лаго. Более богатые начали основание тех замков, названия которых сохранились и сегодня. Так, Бальделли основали Мантиньяну на территории Перуджи, Цефирини — Фарнето; Раньери — Печано и Мелончелло; Куччати (которые затем приняли имя Сернини) — Монтеккьо-дель-Лото близ Фарнеты (не путать с Монтеккьо между Кортоной и Кастильон-Фьорентино, которое получило название от семьи Веспони); Каттани — Сепольталья; Сердуччи — Данчано в Валь-ди-Пьерле; Бальдинуччи — Чельоло; Тести — Чиньяно; Альфьери — Поджони, которое в 1499 году перешло к Цефирини; Пассерини — Петроньяно.

Многие из этих изгнанников затем отправились в Неаполь

и сражались с королем Карлом Манфредом.

Спустя три года, то есть 25 апреля 1261 года (в день св. Марка), кортонцы смогли вернуться в свой город с помощью сиенцев. Согласно некоторым хронистам, они вошли через те же гибеллинские ворота (называемые также Бакерелли или Баччерелли), через которые вошли аретинцы; другие говорят, что они вошли через ворота Сан-Винченцо. Но и хроника Бончитуоло, и Ринальдо Бальделли говорят «ворота Бакерелли». И добавляют, что на этих воротах (а не на воротах Сан-Винченцо), которые вскоре после возвращения кортонцев были замурованы, еще была видна плита из травертина, на которой была высечена волчица — герб Сиены, и епископ (возможно, св. Винченций), а внизу было написано: «Кто называет себя гвельфом и родом из Кортонны, тот лжет себе в глотку».

Сиенцы в течение трех лет платили 300 мастеров искусства для восстановления Кортонны. Редкий и прекрасный пример братства. Но, возможно, его следует искать в расовой симпатии: Сиена была римской колонией и яростно гибеллинской; Кортонна XIII века была остатком римской колонии и гибеллинской. На участке стен между воротами Монтанина, крепостью и Сан-Джорджо был вставлен герб с волчицей (Сиены).

Память об этих событиях существовала в старой церкви Сан-Марко в надписи справа от главного алтаря.

Именно при этих обстоятельствах Кортонна приняла в ка-

честве своего герба Льва св. Марка вместо св. Михаила, который до сих пор сохраняет Кастильон-Фьорентино.

В Кастильоне-дель-Лаго память о кортонских изгнанниках сохраняется в церквях Сант-Эллера и Сан-Микеландже-ло, которые они построили.

Как я уже говорил, у меня нет намерения делать здесь краткое изложение истории Кортоны. Я укажу лишь на некоторые наиболее значительные факты и на те, которые имеют отношение к местным обычаям, генеалогии некоторых семей и ремеслам.

И одним из обычаев, рожденных из предательства, открывшего ворота Кортоны аретинцам, был следующий, который продолжался несколько столетий и существовал еще в 1700 году. Поскольку полагали, что некий монах Гини подал сигнал аретинцам, позвонив в колокол монастыря Сан-Франческо (построенного незадолго до того), как иногда делается перед рассветом для монашеских молитв, было запрещено звонить «Ave Maria» и подавать любые сигналы колоколами до наступления дня. Так пишет один историк, и его высмеивает критик в неких мемуарах о Кортоне прошлого века. Но факт в том, что запрет был дан не всем церквям; а, по Лауро, только церкви Сан-Франческо.

Вплоть до 1325 года, то есть до начала господства семьи Казали, Кортонa управлялась консулами и подестой. Был также чиновник, называемый синдиком коммуны, но это был не кто иной, как администратор и бухгалтер, который

вел счета. Был также капитан народа — своего рода трибун, обязанный следить, чтобы подеста не узурпировал слишком много власти.

В 1298 году подестой был Тиччо ди Руджеро да Колле, и 3 октября он принял с почестями сына Фридриха II Швабского. По тому случаю он велел проложить улицу «на вершине города, чтобы весь город был заселен, и освободил от пошлины тех, кто там строил». Улица получила название улицы деи Тиччи; и, возможно, она была частью нынешней улицы дель Орто делла Чера, выходила к переулку под стеной Санта-Кроче и вела к ныне исчезнувшей церкви Сан-Джорджо.

12. Святая Маргарита кающаяся

Жизнь, обращение и покаяние св. Маргариты из Лавьяно (тосканской) (1247—1297) совпадают с историческим периодом, о котором я только что говорил.

Существует многочисленные публикации авторов, писавших о Маргарите. Библиотека Кортоны имеет почти полный каталог их, составленный достопочтенным кавалером Джироламо Манчини. Среди сочинений, заслуживающих наибольшего внимания, есть поэма, написанная между 1830 и 1850 годами Марией Александриной Бонапарт, дочерью Лючано, князя Канино (и брата Наполеона I), и Александрины Блешам. Об этой княгине говорит Давиде Сильванди в своей книге «Двор и римское общество» (Том III. Рим, Форцани, 1885).

Другую книгу о святой я упомяну здесь не ради ее важности, которой у нее нет совершенно, но потому, что (если не ошибаюсь) ее нет в библиотеке Кортоны. Это два тома в 16-ю долю листа со следующим заглавием: «Кортонский отшельник Доменико Антонио Нардини, обращенный к светлейшим сеньорам Марии и Терезе Кастеллаччи. Рим, у Сальвиуччи, 1827». В ней в напыщенной манере рассказывается о добродетелях и обращении святой Маргариты так, как их поведал монах. Но рассказ начинается со слов: «Прибыв во Флоренцию по некоторым частным причинам, я возымел

великое желание посетить прах св. Маргариты Кающейся и, выбрав благоприятный момент, отправился туда...» Так что на первый взгляд кажется, что гробница, монастырь и описываемые места находятся на флорентийском холме. Экземпляр этой книги есть в Казанатенсе в Риме.

В городской библиотеке (рук. 523) существует рукописная драма о святой Маргарите, написанная братом Никколо Барбьери и поставленная в 1647 году.

Гораздо большее значение имеет житие св. Маргариты Кортонской, написанное отцом Леопольдом де Шерансе, капучином, и иллюстрированное под руководством отца Луиджи Антонио де Поррантрюи. Париж, у Плона и К°, 1888.

Это роскошное иллюстрированное издание с воспроизведениями прерафаэлитских картин, которые существовали в старой церкви и теперь в малой части сохраняются изуродованными на трибунах над церковью, скульптур гробницы, картин главных древних и современных художников, писавших на тему жизни св. Маргариты. Там же воспроизведены фасады старой и новой церкви, панорама Кортонны и панорама Монтепульчано, под которыми, не знаю по какому недоразумению, переставлены названия городов, и, наконец, знаменитый план Кортонны, нарисованный Берреттини и изданный Дж. Лауро в 1634 году.

Он точно воспроизведен в совершенной фототипии, и потому он перестает быть — как был прежде — редкостью.

Не входит в цель и характер этой книги подробное изло-

жение истории святой Маргариты. Я скажу лишь несколько слов о происхождении имени и о месте рождения святой.

Margherita — латинское слово, означающее «жемчужина».

По-латыни пишется Margarita, и так следовало бы писать и по-хорошему итальянски, а не Margherita, что является производным от французского Marguerite. Немцы говорят Margerethe и в сокращении Grete, англичане Margaret, испанцы — лучше всех — Margarita, как и в древности говорили по-итальянски. По-гречески пишется Margarites. Излишне говорить, что латинский язык вовсе не заимствовал это слово из греческого; но оба языка получили его из этрусского, о чем свидетельствуют обилие гласной «а» и окончание, которое латиняне сохранили, а греки изменили. В латинском языке (и в немецком!) у нас есть еще слово marga, означающее «белая глина»; и этот корень всегда имеет отношение к жемчужно-белому цвету. Так и в диалектах Верхней Италии: Marghèra (которая доит молоко). В греческом же языке слова, имеющие сходство, как Marghi и Margos, имеют совсем иное значение, ибо означают «дерзость» и «безумие». Хотя Margos могло бы еще иметь отношение к этрусскому корню, поскольку от Margos происходит Margòlla, что означает «Бефана» (ведьма), которую изображают в виде женщины в белой одежде, то есть «белая фея».

Итак, Маргарита — имя языческого происхождения, и оно распространилось в христианском мире после мучени-

чества девы Маргариты Антиохийской, произошедшего около 290 года от Р. Х. Тело этой святой, говорят, было привезено во Францию; затем, до 1000 года, было перенесено в место, называемое Сан-Пьетро-ин-Тоскана; наконец, в 1635 году было перенесено в Рувильяно-ди-Монтефьясконе.

Если тело святой оставалось в Тоскане многие столетия, становится понятно, почему имя Маргарита было так распространено в этих краях в Средние века.

На протяжении почти восьмисот лет ни одна другая женщина с этим именем не удостоивалась церковного почитания. Однако в 1099 году скончалась Маргарита, королева Шотландии, ставшая небесной покровительницей всех англо-саксонских женщин, носящих это имя.

В период между 1279 и 1322 годами мы знаем уже трех блаженных Маргарит, а также кортонскую святую (скончалась в 1297 году). Затем, в 1464 году, появляется блаженная Маргарита Савойская, и наконец — блаженная Маргарита Мария Алакок, салезианка.

Святая Маргарита родилась в Лавьяно — небольшом селении на равнине у подножия Кортонь, которое тогда принадлежало городу Перудже, а ныне входит в состав территории епархии Читта-делла-Пьеве. Она была дочерью некоего Танкреди ди Бартоломео д'Аквавива, который обрабатывал землю, принадлежавшую роду Одди. В Лавьяно и сегодня показывают домик, где она родилась, маленькую церковь (сильно перестроенную), где она осознала свой грех и рас-

каялась, родник, у которого она поджидала своего возлюбленного, и фиговое дерево, под которым они впервые встретились. В Петриньяно можно увидеть ту самую церквушку, перед которой она обнаружила его тело.

Среди семей, живших в Лавьяно во времена святой, упоминаются: Валери, Орландини, Уголини, Булгарелли, Витали, Дони, Пералуцци, Бонди, Бенинказа, Вентура, Леонарди, Сави, Беллони, Баричи, Грани, Джирарди, Ригони, Раннальди, Перарджелли, Барончи, Гревельчини, Паринцелли, Стефани. Потомки многих из этих старинных родов существуют и поныне.

События жизни Маргариты изложены в книгах, известных каждому. В наиболее доступной форме их пересказывает отец Эмилио Кривелли (Прато, типография Джакетти, 1897).

До того как попасть в Кортону, Маргарита поддалась соблазнам одного молодого вельможи из рода Палацци; он похитил ее и увез с собой в Монтепульчано. Высказывались предположения, что это был либо Арсенио Контуччи из того же города, либо Гульельмо дель Пекора из Вальяно, однако Манчини в своей «Истории Кортонь в Средние века» на основании остроумных умозаключений склоняется к тому, что соблазнителем был маркиз дель Монте из синьоров Вальяно.

Девять лет длилась их любовная связь; Маргарита родила ребенка. Однажды знатный возлюбленный отправился в свои владения близ Петриньяно, где и был убит ударами

кинжала — неизвестно кем и по какой причине. Маргарита, ожидавшая его возвращения, заметила маленькую собачку, которая была сильно привязана к ним обоим; та всячески пыталась дать ей понять, что нужно идти за ней. Встретившись, святая последовала за псом и пришла на место, где лежало тело убитого. Именно этот эпизод объясняет, почему на всех картинах и скульптурных изображениях святой Маргариты Лавьянской неизменно присутствует собачка.

Жестокая смерть возлюбленного привела Маргариту к раскаянию. Она вернулась к родным, но те прогнали ее. Тогда, нищая и униженная, она пришла в Кортону и вошла в город через древние ворота Берарда. Сначала она поселилась в здании, где теперь находится монастырь салезианок (о чем напоминает установленная там мемориальная плита), затем — в келье при монастыре Сан-Франческо, и наконец — в келье монастыря, который ныне носит ее имя и возвышается над городом; в те времена этот монастырь был подчинен обители Сан-Базилио (сведения о церкви Санта-Маргерита см. в №17).

Святая Маргарита обладала деятельным и милосердным сердцем. История ее благочестивых злоключений, покаянной жизни и дел милосердия сделала ее имя известным во всем мире.

Ее сын, сначала отданный на обучение в Ареццо, впоследствии стал монахом-францисканцем; дальнейшая его судьба неизвестна.

Маргарита, еще до своей беатификации (дарованной папой Львом X бреве от 24 ноября 1515 года, подтвержденном и расширенном папой Урбаном VIII в следующем столетии) уже почитавшаяся народом, была канонизирована папой Бенедиктом XIII в соборе Святого Петра в Риме 1 мая 1728 года.

Наиболее достоверные сведения о святой почерпнуты из Жития, написанного ее духовным отцом, братом Джунтой Бевеньяте, который, как показали новейшие изыскания в нотариальных архивах, происходил из кортонской семьи Бевеньяте. Издание этого Жития, предпринятое в XVIII веке братом Людовико из Пелаго с обширными приложениями и комментариями, содержит ценные пояснения, касающиеся описываемой эпохи и местности.

13. Кортон от господства Казали до синьории Флоренции

Угуччо Казали, из семьи, происходившей из Казале — местечка в Кортонских горах, — был тем, кто повел кортонцев к отвоеванию их собственного города, которое произошло 25 апреля 1261 года, изгнав епископа Убертини, обладавшего властью как гвельф. Поскольку это был день святого Марка, город в знак благодарности переименовал тогда свой герб (которым был святой Михаил, стоящий с копьем, готовый пронзить дракона) на Льва святого Марка. Поэтому его герб стал подобен гербу Венеции.

Город вновь обрел формы свободного правления под высочайшим покровительством германских императоров. В 1312 году там проезжал Генрих VII и принял клятву верности. Однако верховная власть, хотя внешне и осуществлялась через свободные выборы, оставалась в руках Казали.

И здесь еще одна Маргарита заставляет говорить о себе в истории Кортонь. В 1320 году некая графиня Маргарита Гасконская с тридцатью всадниками и многочисленной свитой остановилась близ Камучи, поселившись в дворце, остатки которого существуют до сих пор в месте, называемом Casa della Grascogna («Дом Гасконьи»). Там она держала открытый двор и принимала многих синьоров, среди которых были Гино ди Мира, маркиз Чивителлы, Ригоне ди

Уголино, маркиз Колле-ди-Петриоло и Петрелла, и Раньери Казали — из семьи, происходившей из Казале в Кортонских горах, еще не синьора Кортонны, но уже подесты и весьма могущественного.

Двум другим показалось, что графиня предпочитает Казали, менее знатного, чем они, и чтобы оскорбить его, они велели одному из слуг графини дать ему пощечину. Казали возмутился и поверил (или притворился, что поверил), будто маркиз Чивителлы и маркиз Петреллы замышляют заговор, чтобы захватить власть в Кортоне; поэтому, предупредив консулов, он велел изгнать их из города. Четыре года спустя изгнанники попытались вернуться, но были разбиты 25 июля 1324 года. С этого начинается абсолютное господство Казали, продлившееся 84 года.

Что касается графини Маргариты, историки не сообщают о ней более ничего. Однако Гаэтано Орселли, аннотируя и исправляя рукопись Ринальдо Бальделли, утверждает, что эта Маргарита была из Гаскони, а не из Германии, и что она возвращалась со двора Роберта, короля Неаполя.

В октябре 1325 года (а не 1329, как полагают некоторые) представители народа избрали синьором Кортонны вышеупомянутого Раньери Казали — храброго воина и доброго гражданина.

В 1338 году аретинцы вновь попытались войти в Кортону через ворота Монтанина, где они построили фортификационное сооружение, которое еще можно было видеть в руинах

в середине XVII века и которое, по словам Тартальيني, было возведено у Торреоне, где аретинцы укрепились. 30 апреля они совершили вылазку; но кортонцы, рано утром заметив их замысел, подняли большой шум саблями и оружием и затрубили во все трубы, создав видимость, что множество вооруженных людей движется на них. Тогда аретинцы, испугавшись, оставили предприятие. В память об этом событии с тех пор вошел в народный обычай — в ночь на 30 апреля устраивать на улицах великий шум с помощью труб, железных предметов и всяческих гремящих приспособлений. Этот обычай был запрещен в первой половине нынешнего века великогерцогским правительством.

Казали правили 84 года. Последний из них, Луиджи Баттиста, в 1409 году сдался Ладиславу, королю Неаполя. Этот вероломный Луиджи Казали велел убить своего дядю Франческо, доброго и честного синьора Кортонны. Он был закован в цепи и отправлен в замок дель Оро в Неаполе. Освободившись из заключения, он умер в Венеции в 1420 году.

Доблестному Угуччо Казали кортонцы воздвигли статую под атриумом церкви Сан-Базилио (где теперь находится церковь Санта-Маргерита). Но эта статуя была уничтожена в войнах против аретинцев или, вероятнее всего, в междоусобных распрях около 1409 года, когда было разграблено все, что напоминало о Казали.

Плита в память о добром Франческо Казали (впоследствии убитом в 1407 году своим племянником Алоизием,

или Луиджи) была установлена гражданами в 1405 году на фасаде дома с лоджией, который находился на площади напротив дворца Коммуны, тогдашней резиденции подесты. Мраморная плита с надписью готическими буквами существует и поныне и несколько лет назад была вновь замурована на том же месте на фасаде домика в средневековом стиле, восстановленного синьором Пьетро Сальвини. Текст воспроизведен в житии блаженного Капаччи каноником Нарчи-зо Фаббрини.

Под верховной властью Ладислава Кортонского сохраняла еще видимость независимости около двух лет; но 14 января 1411 года он продал ее флорентийцам. С тех пор она не имеет более собственной истории, за исключением нескольких попыток освободиться от господства Флоренции около 1431 года.

После этой эпохи мы видим ряд мелких войн между сторонниками Медичи и сторонниками папы и перуджийцев, с участием знаменитого кондотьера Никколо Пиччинино, короля Альфонсо Арагонского и Никколо Вителли, другого кондотьера, которые все со своими войсками поочередно опустошали кортонскую территорию.

В 1488 году Лоренцо Медичи приехал в Кортону и пробыл там три дня. В 1495 году Медичи (которые утратили синьорию Флоренции) попытались занять Кортону. Они вновь получили ее в 1501 году. Вскоре после этого они передали ее французам. Свободная синьория Флоренции (в тот момент) вновь отвоевала ее в 1503 году. После этого судьба Кортон

оказалась неразрывно связана с судьбой Флоренции и дома Медичи, вернувшегося к власти в 1512 году.

Кортоня вновь отличилась в 1529 году славной обороной против войск Филиберто, принца Оранского, который, двигаясь на Флоренцию, осадил Кортону. Кортонцы доблестно защищались, убив даже племянника принца Оранского. Говорили, что в том сражении святая Маргарита явилась на помощь Кортоне; память об этом событии сохранилась во фреске, написанной на люнете ризницы Сант-Агостино; фреска, к нашему стыду, приходит в упадок из-за людской небрежности больше, чем из-за повреждений временем. Однако вечером 17 сентября 1529 года Кортоня вынуждена была сдаться.

14. Монеты Кортонны в Средние века

Весьма спорным является вопрос о том, чеканила ли Кортонна в Средние века собственную монету. Некоторые это отрицают и приводят в подтверждение древние нотариальные акты, где сказано: «денеры аретинские, называемые кортонскими».

Но большинство считает истинным существование кортонской монеты, имевшей на одной стороне изображение святого Винченцо, епископа, а на другой — крест со словами: «P. S. Vincentius de Cortona», то есть Praesul Sanctus Vincentius (лат. «Святитель святой Викентий»).

Из этого можно было бы заключить, что существовало предание, будто некий святой Винченцо был первым епископом Кортонны. Говорят, что один экземпляр этой монеты находится в музее Мюнхена; другие экземпляры существуют в других музеях, например, в Пизе и Ферраре. Впрочем, сегодня можно считать существование этой монеты доказанным, поскольку я сам видел экземпляр, недавно найденный при раскопках на площади Дуомо.

Рассмотренный достопочтенным Гамуррини в июне 1898 года, он был признан им подлинным. Он принадлежал клирику Гарци. Однако на этом последнем экземпляре, очень маленького диаметра (полгроша), надпись почти полностью исчезла, и можно различить лишь несколько букв, которые,

впрочем, вписывались бы в слово «Vincentius».

Эта монета чеканилась уже до 1000 года христианской эры. Но не вероятно ли, что когда Кортоня попала под юрисдикцию епископа Ареццо, он велел чеканить в Ареццо или Кортоне ту же монету от своего имени? Вопрос очень темный.

Относительно стоимости кортонской монеты ведутся споры (см. №29 — общественное здравие и гигиена — для некоторых сопоставлений). Но большинство, кажется, признает, что кортонский флорин равнялся 3,36 лиры. Лира из 20 сольдо равнялась 16 флорентийским сольдо и 67 современным итальянским сантимам.

В 1297 году флорентийское магистратство запретило во Флоренции хождение кортонских серебряных грессо. Это постановление, цитируемое в рукописи 530 Кортонской библиотеки, было зарегистрировано в книге *F Riformazioni*. Другое подобное запрещение для мелкой кортонской монеты было издано в 1321 году. И это подтверждает, что Кортоня чеканила монету.

В 1419 году 500 кортонских лир равнялись 400 флорентийским лирам. В XVI и XVII веках флорентийский скудо стоил 5,88 наших десятичных лир.

15. Топография Кортонь до XIX века

Какой была топография Кортонь в Средние века и в последующую эпоху вплоть до нашего столетия, можно понять из плана, или перспективного вида с птичьего полета, нарисованного Пьетро Берреттини. Он выполнил его в 1634 году для издателя Лауро Романо, который велел его выгравировать и вставить в том своей «Истории Кортонь».

Об этой работе Берреттини мы имеем свидетельство в письме Джован Паоло Ваньотти, адресованном ему 7 марта 1634 года, где он указывает, какие главные здания должны быть на нем особенно изображены.

План довольно точен, хотя есть и некоторые неточности; например, на башне городского дворца, где нарисованы окна, отсутствует всякое указание на большие и прекрасные часы, которые занимали (и занимают поныне) больше места, чем окна. Было также отмечено, что церквушка Сан-Бенедетто выглядит как изящный прямоугольный храм, тогда как сейчас она эллиптическая. Но здесь нет ошибки, потому что нынешняя форма была придана ей при перестройке, произошедшей много позже 1634 года (см. сведения под №17).

Руководствуясь этим планом, мы совершим прогулку по городу, останавливаясь у наиболее достойных внимания мест.

Других полных планов Кортонь не известно. Полагают, что в одном архиве Флоренции существует план, нарисованный Анастаси между XVI и XVII веками. Другой план, существовавший в деманских (государственных имущественных) учреждениях Кортонь, более не был найден. Вид Кортонь был написан Вазари на одной из больших фресок во дворце Веккьо во Флоренции. Панорама Кортонь, очень маленького размера, видна на доске, написанной Франческо Синьорелли (около 1520 года), которая еще несколько месяцев назад находилась в одном из залов Коммуны Кортонь, а теперь находится в залах Этрусской академии. Доска круглой формы, работа весьма достойная, изображает Мадонну со святым Михаилом, святой Кларой и святым Марком, который держит в руке вид Кортонь, символизируя приношение Города Мадонне. На этом виде особенно заметно точное воспроизведение древней крепости Казали с ее башнями и зубцами. Вид Кортонь также написан на одной из фресок ризницы церкви Сант-Агостино.

Но древнейший вид Кортонь, существующий ныне, — это, вероятно, тот (в очень маленьком масштабе), который ксилографирован в книге, принадлежащей маркизу Кристофоро Петрелла в его дворце в Кортоне. Книга имеет заглавие: «*Novissime historiarum omnium repercussiones noviter a reverendissimo patre Jacobo Philippo Bergomenso aedite*».

Она напечатана в 1502 году Джорджо де» Рускони в Венеции. На странице 344 есть несколько строк, посвященных

событиям Кортонь между 1333 и 1364 годами, над которыми помещена панорама Города, которая, должно быть, была нарисована за несколько лет до 1502 года.

На виде представлены спереди ворота Сант-Агостино (то есть на улице Гвельфа), и видны башни на стенах.

Одна из них, возвышающаяся над воротами Сан-Доменико, очень высокая, завершается шпилем, на котором развевается орифламма, увенчанная крестом. Над воротами Сант-Агостино видна низкая башня и нечто вроде эдикулы, в которой, кажется, находится колокол; но, возможно, весьма примитивная ксилография хотела изобразить написанную мадонну.

Рядом с воротами заметен фасад церкви Сан-Себастьяно, и там и сям возвышаются пять колоколен в виде башен, завершающихся шпилями, которые были, вероятно, древними колокольнями Сант-Агостино, Пьеве Санта-Мария, Сант-Андреа (?), Сан-Марко-Веккьо и Санта-Кроче. Высокая башня, поднимающаяся от земли, видна в центре. Это, возможно, башня дворца народа, ставшего затем дворцом Пассерини.

Башня дворца подесты (ныне муниципального) не видна, потому что она не была такой высокой, как после 1509 года, и поднималась от крыши, как это видно и сегодня.

Топография средневековой Кортонь была примерно такой же, как в XVII веке, и, следовательно, мало отличалась от нынешней. Окружность стен, по Бальделли (рук. 535), со-

ставляла 1 милю, 113 досок (tavole) и футов (около 3 километров). Однако до 1550 года стены были зубчатыми, и над всеми воротами возвышалась высокая башня. Эти башни и зубцы — кроме крепостных — были снесены в 1527 году. Зубцы крепости исчезли в XVIII веке, когда она была разоружена. Тартальдини приписывает снос башен аретинцам в 1320 году; но это может быть справедливо в лучшем случае для ворот Монтанина и ворот Сан-Винченцо или Санта-Мария, над которыми затем были построены новые.

В Средние века существовали предместья (борго) Сан-Доменико, Сан-Винченцо и Санта-Мария. Некоторые полагают, что было также предместье Ринфрена за воротами Колония; а Манчини нашел в древних статутах упоминание о борго Канталена, которое находилось близ древних ворот Сан-Джорджо под монастырем Санта-Маргерита. От этих двух предместий не осталось никаких видимых следов. Остальные три были обнесены стенами в XIII веке.

Ограда стен предместья Сан-Доменико включала в себя нынешний выступ площади Гарибальди; а с южной стороны существовали два выступа круглой формы, расширяющиеся к основанию. Один, более высокий, наподобие башни, был крытым, а другой, как маленькая башенка пониже, был открытым и зубчатым. На точных остатках этих башен ныне видны башенка и въездные ворота виллины Марсили. Стена виллины следует направлению древних стен.

Ворота предместья находились в нынешней точке входа в

само предместье. Ворота города были у входа на Руга-пьяна.

Около середины XVIII века были построены ворота, называемые ворота Филиппа, вблизи нынешней виллы Марсили. В конце века о них уже нет известий.

Ворота предместья Сан-Винченцо находились рядом с монастырем Сан-Микеланджело, ныне разрушенным, на месте, называемом до сих пор Портачча (дверища). На этих воротах была следующая латинская надпись:

IN NOMINE DOMINI — - AMEN
HOC OPUS FECIT FIERI MAGNIFICUS
MILES D. FRANCISCUS
DE CASALIBUS GENERALIS DOMINUS
CIVITATIS CORTONAE
SUB ANNO MCCCLXVI DE MENSE IUNI
MICHAELE
GUIDUCCI VENUTEILI SUPRASTANTE
AD OPUS PREDICTUM

(лат.: Во имя Господа. Аминь. Это сооружение велел сделать великолепный рыцарь господин Франциск де Казали, генеральный синьор города Кортонны, в лето Господне 1366, в месяце июне. Михаилом Гвидуччи Венутеили, наблюдающим за вышеуказанным сооружением.)

Предместья были в значительной части разрушены в 1529 году по приказу Козимо I из соображений общественного по-

рядка. Позднее они возродились в небольших масштабах.

Что касается предместья Санта-Мария, на плане Берреттини его не видно; сегодня не видно никаких остатков ни стен, ни ворот. Кажется, что там не было настоящего скопления домов, как в предместье Сан-Винченцо, и что после 1529 года оно не возродилось, за исключением нескольких домов вокруг церкви, которая была снесена как раз в ту эпоху.

На пространстве, где сегодня находится старинная площадка для игры в мяч, располагалась Старая Каррьера, то есть старое поле для военных упражнений и турниров. Новая Каррьера находилась между нынешними воротами Гвельфа и воротами Гарибальди (Санта-Мария), где сегодня находится скотный рынок.

Впрочем, уже в 1642 году местность между бастионом ворот Сан-Винченцо (ворота Гвельфа) и воротами Санта-Мария была спланирована, и уровень земли под стенами Сан-Себастьяно был понижен.

Больших объездных и подъездных дорог к городу не существовало до XIX века. Были только: дорога, которая, выходя из предместья Сан-Доменико, идет в сторону Контессе и продолжается к Оссае, следуя направлению древней римской дороги; дорога, называемая дорогой философов, которая круто поднималась от равнины под Кальчинайо, остатки которой видны близ виллыны Дилидженти, выходя к Санто-Спирито; дорога, которая от Камучи поднималась к пред-

местью Сан-Винченцо; и та, что от Кьяначче поднималась к воротам Санта-Мария, проходя под нынешним бычьим форумом (скотным рынком); дорога, которая от ворот Колония круто поднималась к Торреоне; и дорога от ворот Монтанина, которая, извиваясь, шла к Кагель-Герарди.

Эти дороги, кроме дороги на Контессе и, возможно, той, что поднималась от Кьяначче, были очень узкими, выючными тропами и не имели никакого сходства с нынешними провинциальными дорогами, построенными около 1842 года, и с той прекрасной умбро-кортонской дорогой, законченной незадолго до 1880 года. Некоторые из вышеупомянутых старых выючных дорог служат теперь короткими путями (срезками).

Из древних городских ворот четверо до сих пор открыты, а именно: ворота Монтанина, ворота Колония, ворота Санта-Мария (названная так по церкви, находившейся сразу за стенами) и ворота Сан-Винченцо (в конце нынешней улицы Гвельфа). Но кроме них в Средние века были и другие ворота. Прежде всего, по историческим воспоминаниям, ворота Гиббеллина, называемые также Баккарелли, соответствующие месту, именуемому Ла-Букачча.

Через эти ворота вошли, как я говорил в своем месте, аретинцы 1 февраля 1258 года. Некоторые хронисты утверждают, что они были закрыты вскоре после возвращения кортонцев, произошедшего в 1265 году. Тартальини утверждает, что через эти ворота прошел в 1313 году император Ген-

рих VII, а затем они были замурованы и более не открывались.

Ворота Сан-Доменико, в древности называемые Веранда или Печчи-Веранда, были снесены в 1861 году. Ворота Берарда, через которые вошла изгнанницей святая Маргарита и которые находятся рядом с нынешним монастырем салезианок, были закрыты, неизвестно в каком году XVI века; и, кажется, более не открывались. Видна их арка, которая возвышается над виллиной Сернини.

Кроме этих ворот в Средние века были еще (см. Манчини: Кортон в Средние века) ворота Сан-Джорджо, называемые также Кастильонкьо, которые должны были находиться позади монастыря Сантучче; и, по-видимому, к этим воротам вела дорога, называемая деи Тиччи, о которой я уже говорил в другом месте, утвержденная и открытая в 1248 году. Однако эти ворота уже были закрыты во времена Берреттини; и это произошло, вероятно, когда в XVI веке была сделана новая окружность стен с бастионами под церковью Санта-Маргерита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.